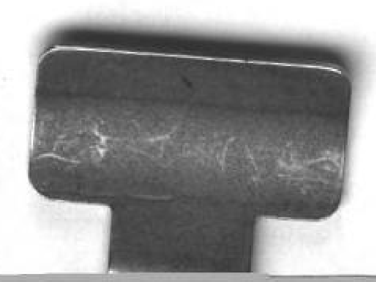

ДА ЗДРАВСТВУЕТ
1
МАЯ!
ОГОНЁК
№ 18 МАЙ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

САДЫ ЦВЕТУТ.

Фото М. Савина.

На первой странице обложки рисунок В. С. Климашина.

На последней странице обложки: Друзья на фестивале.
Фото С. Косырева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 18 (1403) 1 МАЯ 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Весна нашей жизни

Никогда нельзя определить, в какой день, в какой час вдруг понимаешь, что весна наступила. И если даже ты встретил в своей жизни немало весен на земле, все равно приход новой весны всегда ощущаешь, как чудо.

Ветер стихает. На чистом небе ясно и торжественно зажигается зеленоватая звезда. И откуда-то издалека в холодный воздух просачивается смутный, слабый запах мокрой земли, прели, набухшей от сока ветки. И как ни слаб этот далекий аромат, он оказывается сильнее запахов бензина, дыма, промерзшего за зиму камня, всех плотных, жестких запахов города, к которым мы привыкли.

И глядя на звезду, холодновато и чисто поблескивающую над крышей высокого дома, на неожиданно просторное, словно распахнутое небо, прислушиваясь к дыханью оживающей земли, что донес ветер с московских бульваров и скверов, из лесов и полей Подмосковья, вдруг ощущаешь счастливо и полно:

— Весна наступила!

Каждый день усиливает это чувство.

Чтоб о ней не забыли, весна повсюду расставляет свои вехи. То она глянет из цветочного киоска лукавым глазком подснежника; то вышлет на московский бульвар бесстрашную голосистую птаху; то прокатит по Москве на трехтонках целую рощу деревьев, что переезжает на новые места вместе с родной землей на корнях. А если выберетесь вы за город, то там уж весна по-хозяйски радушно встретит вас и блеском реки, и стуком дятла, и влажной зеленью мхов, и первой травой, глянувшей на белый свет из согревшейся земли. И вы скажете весело и удивленно:

— Да, весна в самом деле пришла!

В этом году необыкновенно дружная весна. Нет, не потому, что дружно таяли снега, вскрывались реки, набухали почки. Она дружна потому, что на всей огромной нашей земле советские люди дружно, споро и усердно готовились к этой весне, чтоб встретить ее, как надо.

Осенью были заложены семена всенародного труда, и вот они дали всходы, и надо эти всходы вырастить, укрепить и умножить. Ясные и мудрые решения Коммунистической партии и Советского правительства поставили перед народом новые задачи. И народ горячо, дружно, смело взялся за выполнение боевой программы, за решение новых грандиозных задач, цель которых — дальнейший рост благосостояния советских людей, их благо, их счастье.

На достижение этой великой цели направлены усилия каждого из нас. Тот, кто осваивает целинные земли на востоке нашей Родины, и тот, кто изо дня в день повышает производительность труда за своим станком, и тот, кто за чертежным столом делает расчет новой машины,— все они трудятся для достижения этой цели. Ничто так не объединяет людей, как единство благородных стремлений.

Для блага людей поднимаются зеленые всходы на полях, для блага людей растут стены новых жилых зданий на городских улицах. И хоть идет стройка в Москве круглый год, но весною под чистым, ярким небом особенно

Балконная дверь распахнулась настежь... С новой квартирой знакомится семья мастера завода «Красный пролетарий» Н. Ф. Козырева.

Маленький человек направится отсюда в простор жизни... Валентина и Владимир Грибковы рады первенцу.

четко видны стрелы строительных кранов с грузом, и белизна новых стен, и кирпичи, чистые и розовые, словно освещенные солнцем, и влажная земля только что вырытых котлованов — вся панорама строительства, что стала частью московского пейзажа.

И вот однажды в весенний день отправились мы с товарищем путешествовать по Москве.

Был с нами и третий спутник — фотографический аппарат. Всякий раз, когда мы останавливались,— то ли для беседы с людьми, то ли для раздумья и наблюдения,— он был под рукою и переносил на пленку то, что оказывалось в поле зрения. В путешествии нашем, по правде говоря, не было точной цели, но, честное слово, хорошо в весенний день побродить по Москве, поглядеть, как живет и дышит огромный и милый наш город. Заглянуть, точно в сказке, под крыши московских зданий, промчаться по залитой солнцем широкой магистрали в районы Подмосковья.

Так очутились мы перед новым, недавно выстроенным домом.

Он был еще пуст.

Закрытые, чисто вымытые окна нелюдимо поблескивали на солнце. В пустынном дворе стояла тишина. Еще не катили с грохотом по дворовому асфальту, отталкиваясь одной ногой, отчаянные самокатчики в сбившихся набок шапчонках и лихо расстегнутых курточках; еще не вышли к холмикам песка степенные граждане в возрасте от трех до пяти лет, с совочками и ведерками в руках, круглые от множества одежек, как футбольные мячи...

Дом этот принадлежит заводу «Красный пролетарий»; это третий жилой дом, выстроенный заводом после войны. В ближайшие дни сюда въедут сто семнадцать семей. Но сейчас в нем еще тихо и пусто. Лишь на одном из этажей мы приметили движение, и вдруг балконная дверь, блеснув стеклами, распахнулась настежь.

И мы пошли по лестнице наверх.

Нигде и никогда, пожалуй, не переживаешь так остро чувство свежести и новизны, как в новой квартире. Все дышит и пахнет чистотой. В пустынности стен есть какая-то особая праздничность — еще не обжитые, эти стены обещают уют. Многое передумаешь, входя под свой новый кров, многое вспомнишь. И кажется, что и жизнь будет новой в этих новых, светлых стенах, и по-новому вспыхнет счастье, и по-новому, еще дружней, еще горячей заспорится работа...

Но обо всем этом размышляем мы, взрослые. Дети входят под новый кров с любопытством и восхищением; только в детстве так полно ощущаешь новый запах, цвет, простор, голубизну. Совсем по-иному чувствуешь весну земли в пору весны своей жизни. И, стоя в этой просторной, новой, веселой квартире, о многом подумали и мы, случайные в ней гости.

Наше поколение узнало и испытания войны

Что делать после окончания школы? Свою будущую судьбу решают десятиклассники Юра Скосырев, Веня Шатхин, Аркадий Судаченко, Алик Игнатов и Герман Медведев.

и трудное счастье первого созидания. Мы живем в великое время, и нет большей радости, чем радость сознания того, что ты своим трудом участвуешь в самом величественном и благородном строительстве, какое знал мир. Светлое здание коммунизма мы строим для себя и для детей наших. И, глядя на тех, для кого лишь восходит заря жизни, мы думаем:

— Им принадлежит будущее.

Нет ничего беспомощней и слабей, чем дитя, только что увидевшее свет. Но именно ему принадлежит будущее. Эти руки, розовые и тонкие, как стебельки, по праву возьмут то счастье, которое так трудно, так самоотверженно строило старшее поколение.

Об этом невольно думаешь, глядя на существо, появившееся на свет всего лишь несколько дней тому назад. Об этом думает, вероятно, и молодой отец и старый врач, видевший за свою большую жизнь столько рождений, бывший свидетелем стольких счастливых встреч. И вот новый маленький человек, оставив стены дома, где он увидел впервые свет солнца, направится отсюда в простор жизни.

Весна земли — весна новой судьбы.

Весною смутная и тревожащая мечта о новой судьбе, новой профессии обретает первые реальные очертания. Сколько различных суждений, сколько горячих споров, сколько страстных доказательств правильности твоего выбора и сколько сомнений!..

За порогом школы кончается детство. Что делать после окончания школы? Куда пойти учиться? Кем ты хочешь быть? Еще не раз будут возникать горячие споры, еще не раз друзья-товарищи будут с жаром обсуждать планы, стремления, надежды, снова и снова решать будущую свою судьбу.

И, стоя рядом с ними, мы как бы заглянули в это будущее.

Нет, не надо обещать им голубую безоблачность. Будут и трудности, будут, быть может, и разочарования, будет, обязательно будет напряженное усилие. Это крепкая, здоровая поросль. Им нечего бояться испытаний! Пусть смело идут вперед, к светлой цели, указанной им партией, комсомолом,— общей великой цели, единой для всех советских людей.

Весна земли — весна труда...

Просторный весенний ветер летит над подмосковными полями, и шум тракторов доносится еще издали, как гул трудового сражения. И в этом слитном, ровном гуле, вслушавшись, можно различить отдельные звуки: то взвизгнет пила на колхозной стройке, то послышится домовитое, хлопотливое тарахтенье работающего движка, то, словно удивившись весеннему дню, упоенно прокричит петух... Мы идем по пушистой, прогретой земле, а солнце подпекает спину, и могучий запах весеннего поля плывет навстречу.

Тракторист Николай Мельников уже решил свою судьбу — профессия им выбрана.

Пересекая поле, движется трактор. Тракторист, сидящий за рулем, уже решил свою судьбу, профессия им выбрана. Только в этом году он кончил курсы и нынешней весной стал трактористом. Он проехал мимо нас и взмахнул приветственно рукой, но радовался он не встрече с нами,— этим мы себя не обольщаем. Мало ли чему радуются в молодости: тому, что спорится труд, тому, что хорош день, тому, что любит девушка... А может быть, и всему вместе?

Долог апрельский день, но приходит конец и ему.

Первые огни зажигаются в Москве, и зеленоватая весенняя звезда снова восходит над крышей высокого здания. Закрываются двери учреждений, распахиваются двери театров. Оживленные люди входят в концертные и театральные залы Москвы. И мы, отряхивая пыль дороги, надышавшись полевым простором, входим вслед за ними, толкнув широкую дубовую дверь.

И тотчас же в лицо веет нагретый воздух большого зала и глаза слепит золото огней.

Где-то далекая скрипка задумчиво пробует голос, снова и снова повторяя свое «ля», и, как бы откликаясь ей, глухо вздыхает виолончель. Скоро начнется концерт. Но до его начала мы заглядываем за кулисы.

Скоро начнется концерт. Молодая балерина Ирина Левитина (слева) перед выходом на сцену.

Быть может, зрелость и должна принести человеку искусства утешительный дар быть спокойным перед выступлением, но, скажу по совести, не доводилось мне такого человека увидеть. Всегда, в любом возрасте, бесконечно волнует артиста встреча со зрителем — великая проверка твоего дарования, твоего мастерства, правильности твоего пути в искусстве. Но как же волнительны такие минуты, когда артист лишь начал свой путь!

Весь день нам сопутствовали встречи с весной человеческой жизни. И здесь, за кулисами концертного зала, снова встретились мы с только расцветающей молодой судьбой.

Молодая балерина недавно окончила хореографическое училище при Большом театре. Это один из первых ее концертов, она будет танцевать украинский танец. Фотоаппарат показывает вам, что происходит за кулисами в последние минуты перед тем, как откроется занавес. Вы сами прочтете на лице молодой балерины всю гамму чувств: волнение, радость, надежду... Пожелаем же ей доброго и славного пути в искусстве и всех тех радостей, о каких мечтает человек весною жизни.

А мы снова выйдем на улицы Москвы.

Стало темным вечернее небо, и в блеске городских огней затерялось наивное мерцание звезд. Над перекрестком щурится зеленым кошачьим глазом светофор. Влажно поблескивает накатанный до черноты асфальт мостовой.

Еще безмолвны фонтаны в скверах, еще неуютны пустынные клумбы, еще голы ветви деревьев. Лишь у подножия бронзового Пушкина, как всегда, лежат свежие цветы, и ветер доносит их запах.

Но весна во всей ее могучей прелести уже вступила на землю — весна жизни, весна труда, весна счастья. Нашу весну открывает первомайский праздник — день международной солидарности трудящихся, день братства рабочих всех стран. Из рядов первомайских демонстраций несется призыв к единству ко всем народам, борющимся за мир, за демократию, за социализм!

И столько в нашей весне силы и вдохновения, столько надежд и стремлений, столько нежности и мужества, сколько может вместить человеческое сердце!

Татьяна ТЭСС

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

В НОВУЮ ДОРОГУ

Рассказ

И. ДВОРЕЦКИЙ

Рисунки В. Высоцкого.

1

— Рядовой Адилов! — крикнул дежурный.— Вам письмо.

Зекен взял запечатанный конверт и за ружейной пирамидой, где, как по линейке, вытянулись серые, однообразно заправленные койки, уселся на стул возле своей тумбочки с наклеенной на дверку переводной картинкой. Там, молча шевеля губами, долго читал.

По казарме вольготно разгуливал сырой вечерний воздух. За окном играл баян. Вдали были видны сосны, над ними по небу расплывалось красное зарево; казалось, лес охвачен пожаром.

Зекен подошел к открытому окну. На поляне лежали солдаты и пели. Баян звучал тихо и чисто. Он не вырывался из общего хора, а задумчиво и бережно вел за собой песню, то теряясь в ней, то опять чуть возникая, как ручеек в густой осоке. Сидя на толстом, корявом пне, Костя Мещеряков, друг Зекена, с упоением дирижировал руками.

Зекен слышал, как Константин отчетливо выговаривает:

— Эй, баргузин, пошевеливай вал...

Песня в тот вечер звучала торжественно, как присяга.

Утром в батальоне стало окончательно известно: через два дня увольнение.

И хотя солдаты мечтали о минуте, когда приказ разрешит отправиться в отчий дом, было им не по себе. Все вдруг поняли, как дорога им сплоченная армейская семья, как сроднились они между собой. И недаром весь вечер нынче распевали песни о Сибири, как бы желая сказать этим: «Узнали мы тебя, Сибирь, и не забудем, какая ты есть...»

Но вместе с грустью нет-нет да и слышалось в песнях радостное раздумье, какое владеет человеком, собравшимся в новую дорогу. Раздумывал и Зекен.

Давно договорился он с Костей Мещеряковым, что поедет к нему на Байкал. Будут работать на сплаве, получат много денег, так как, по заверению Кости, никто не зарабатывает столько, сколько сплавщики, и нигде так не нуждаются в лишних рабочих руках, как в Сибири. Закончится сплавной сезон, и Зекен накупит себе разных вещей, подарков домашним, а уж после этого, коли пожелает, отправится в Казахстан. Но письмо, обыкновенное, ничем не примечательное, о каждодневных, привычных делах взбудоражило: пахнуло чем-то до боли родным, и не знал Зекен, хочет ли он теперь отправиться с Костей на Лиственничный рейд.

Незадолго перед вечерней поверкой пение стихло. В казарму шумно ввалился весь пулеметный взвод.

— Опять из колхоза «Чолпан»? — спрашивали солдаты, видя на тумбочке конверт.

Зекен молча кивнул головой.

Костя вытащил из кармана гимнастерки зеркальце, кокетливо взбил пышный, как облако, чуб.

— Везучий вы, ефрейтор Мещеряков, — сказал кто-то, — отрастили кудри вопреки уставу. Чье сердце поразить собираетесь?

— Объектов много! — уверенно подмигнул Костя.

Это был высокий тощий парень с большими узловатыми руками; сапоги он носил сорок четвертого размера.

— Слушай, Зекен, что такое «Чолпан»? — спросил Костя. — Это что-нибудь же должно означать на вашем языке.

— Верно, Адилов, — заинтересовались солдаты, — что за слово такое?

Зекен смутился. Он всегда смущался, когда на него обращали слишком большое внимание.

— Это... Чолпан, — задумался он. — Как тебе лучше рассказать. Это, когда ночь прошла, и вот-вот утро будет... Совсем скоро. А на небе только одна звездочка, и небо уже светлее.

— Рассвет! — раздались голоса.

— Вот! — обрадовался Зекен, и черные бархатистые глаза его засмеялись. — Наверно, рассвет... Чолпан — рассвет, Чолпан — рассвет,— повторял он.

— А может, — сказал, подумав, Костя, — ваш колхоз называется «Светлая жизнь»?

— Дай-ка письмо,— потребовали солдаты,— уточним.

— На, читай, — лукаво сказал Зекен и протянул тетрадочный листок в клеточку, исписанный крупным детским почерком.

— Шутишь, Адилов? Ничего же не поймешь! Буквы — русские, а слова...

— Казахские слова, — сказал Зекен, — хочешь, переводить буду?.. «Пишет сестренка Роза, — печально читал он. — Очень уважаемый брат, шлем вам привет. Мы живы, здоровы, проживаем на старом месте, в колхозе «Чолпан». У нас стояла дождливая погода, снегу не было совсем. Брат ваш Зарлык перешел в пятый класс. Отец ходит на охоту, убил одну лисицу. Напишите, что нового, как поживаете в Советской Армии...»

Костя не спускал глаз с Зекена, пока тот читал.

— Понятно, почему у вас, Адилов, вид мрачноватый,— сказал Костя,— домой потянуло. О друге ты не думаешь, уговор забыл. Эх, Зекен, Зекен!

Рука об руку с ним провел Костя службу с первого дня; был кое в чем на первых порах наставником, учил русским словам, потом полюбил, как брата, молчаливого Зекена. Сейчас вот не мог представить себе, как это можно — взять и разъехаться. И казалось отчего-то Косте (видимо, по давней трогательной привычке), если отпустить друга одного,— неладно у того сложится жизнь.

Затем, как обычно, состоялась вечерняя поверка. Но все же поверка была не совсем обычной: старшина ни разу не пошутил и не был особенно требовательным в тот вечер.

— Волнуетесь, товарищи старослужащие? — спросил он, оглядывая молчаливый строй солдат.

Было ясно, что старшина тоже волнуется. Но возможно, он, сверхсрочник, уже думал о тех новых, молодых бойцах, которых примет через несколько дней вместо этих, умелых, обученных.

После отбоя многим не спалось. Когда дневальный уходил в другую половину казармы, Костя тихо говорил:

— Поедем, Зекен, не пожалеешь. Несколько часов поездом, потом Байкал переплывем. Жизнь нашу байкальскую узнаешь, на людей поглядишь. Иль ты кроме своего «Чолпана» и видеть ничего не хочешь? Ну, ездил в отпуск недавно, хватит... Тебе Роза пишет, сестренка, ждет. Ловко ли с пустыми руками заявиться? А ты ей купишь крепдешину на платье. Зарлыку хромовые сапожки купишь, отцу — баян.

— Зачем отцу баян? — грустно улыбался Зекен.

— Ладно, себе — баян, а отцу куртку из нерпичьего меха сошьем или шелковое одеяло купим.

Еще Костя говорил о том, что такое сплавщики. Люди особенные — удалые, горячие. Мало еще знают в мире, какая раздольная жизнь у сплавщиков. Вся родня Кости работала на сплаве.

Наконец друг уснул. Зекен лежал с открытыми глазами, думал: коль уедет домой сразу, то, скорее всего, никогда больше не повидает Сибири. Где-то здесь будет жить Костя, а где — и не вспомнишь.

2

На высоком берегу у истока Ангары, против порта Байкал, стоял одинокий барак. В нем жила бригада сплавщиков. Барак был открыт ветрам и солнцу и виден издалека.

Пароходы подтягивали к берегу морские сигарообразные плоты. Лес шел из бурят-монгольских леспромхозов — из Турки, из Усть-Баргузина, что на восточном берегу Бай-

кала. А из Голоустной катера тянули плоты пучковые, эти были поменьше «сигар», да и распускать их, несомненно, легче.

Повариха Таня никогда не спускалась вниз, где волны качали плоты. Она кормила бригаду три раза в день — утром, в обед, вечером. Каждый ей мог заказать блюдо по своему вкусу: суп с макаронами, жареную картошку с мясом или уху из свежих омулей, которых всегда можно приобрести у рыбаков Лиственничного рейда (поселок находился в пяти километрах). Таня с большим старанием выполняла заказы сплавщиков, потому что работали они много, а труд их тяжел.

Но иногда маленькая Таня — так ее звали здесь — в свободную минуту выходила на берег поглядеть, что делается вокруг. Она садилась на траву, и перед ней расстилалось то тихое, лениво-ласковое, то бурное, белое от пены море. Внизу, на плотах, работала бригада. Левее торчали из воды остатки старой «Феодосии» — парохода, затонувшего больше тридцати лет назад. За это время Байкал намыл в крепкий лиственничный корпус судна горы песку и гальки, и теперь сплавщики использовали бывший пароход как причал для лодок и катеров и как удобную площадку для выгрузки такелажа.

Не раз, с безотчетной грустью и немало дивясь, маленькая Таня раздумывала о том, что старая «Феодосия» все еще продолжает служить людям, что ей, как живому существу, не хочется умирать. Десятилетиями сопротивляется она ветрам и штормам, даже с годами становится крепче на мертвом якоре; как говорит бригадир дядя Паша, «лиственница под водой образуется в металл!»

Тане даже как-то плохо верилось, что к тому времени, как сама она появилась на свет, «Феодосия» уже лет пятнадцать пролежала на дне Байкала. А Тане шел девятнадцатый год, и она считала себя человеком пожившим.

Сейчас Таня стояла на берегу и кричала сплавщикам:

— Обе-дать!

А те еще не слышали ее голоса, копошились между плотами, как муравьи. Таня сияющими глазами смотрела вниз, и в душе ее росло чувство нежности к сплавщикам — к таким большим, но смешным и нерасчетливым ее детям. Она закричала сильно, весело:

— Товарищи, обед перепрел!

Ветер раздувал ее ситцевое платьишко и выше колен оголял белые ноги без чулок. Смотреть вниз с такой высоты было жутко. Дядя Паша во весь рост стоял в лодке, выбирая трос. Прижатая его ногами, лодка юлила на воде, тыкалась носом в разные стороны. Грузно покачивались плоты; на крайнем Мещеряков и Адилов — новички — снимали последнюю обвязку. Коренастый, крепкий, похожий движениями на забавного коричневого медвежонка, новичок Адилов бил кувалдой по согнутому лому. Лом придерживал высокий и тощий Мещеряков. Брезентовые брюки были Мещерякову коротки и едва прикрывали колени, как детские штанишки. Глядя на него, Таня смеялась, но никто смеха ее не слышал. Она прозевала мгновение, когда слетела последняя обвязка, и вдруг увидела, что бревна рассыпаются и веером расходятся по воде, и по бревнам, утопающим при каждом движении, бегут новички.

Дядя Паша снова махнул рукой. И, не зная, куда деваться от переполнявшего ее желания с риском и вот так же смело побежать если не по бревнам, то еще по чему-нибудь, маленькая Таня подпрыгнула на месте и в третий раз закричала:

— Обе-е-дать!

«А-ать, а-ать!» — летело эхо над Байкалом. Таня пошла накрывать на стол.

В просторных, чисто выбеленных сенях у нее была оборудована кухня: стояла приземистая чугунная плита, на полках блестела алюминиевая посуда. Как кто войдет в сени, Таня скажет:

— А, товарищ Урванцев!

И наливает суп.

Потом скажет:

— А, товарищ Лагунов!

И наливает еще одну миску, чтобы каждому было горячее.

Вошли новички.

— А, товарищ Мещеряков! — сказала Таня и улыбнулась.

Костя подошел к ней сзади, обнял ее за талию, крепко, по-хозяйски, будто жену.

— Как себя чувствуете, Танюша? Соскучились?

Этого Таня не ожидала. Она не шелохнулась. Медленно повернула голову и посмотрела Косте прямо в глаза. Рука у Кости сразу повяла.

— Убери-ка руку!

Казалось, никто ее властных слов не слышал, только Зекен. Он шел следом.

— А, товарищ Адилов! — сказала маленькая Таня, словно ничего не случилось.

Позади уже подталкивал Зекена дядя Паша. Зекен опустил глаза в пол и виновато прошел мимо. Он снял с себя вымокшую брезентовую куртку и сел за стол рядом с Костей. Выражение лица у Кости было нагловатое и растерянное, у Зекена — замкнутое. Пообедав, он вышел на улицу, не ожидая остальных. Присел на лавочку против барака.

Оставшиеся закурили, растянулись на койках. Бригадир дядя Паша ушел к себе за перегородку; там у него канцелярия — столик и телефон. Присел заполнять наряды. Зекену видно, как Таня убирает посуду, как старательно пишет дядя Паша, склонясь над столом. Бригадир — серьезный бронзоволицый человек. Одет в широкую рубаху без пояса, на плече черная квадратная заплата, пришитая белыми нитками, через открытый ворот рубахи высовывается толстый свитер. Почесывая пальцем крепкую шею под свитером, бригадир выведет сейчас с точностью, сколько Зекен заработал за неделю.

Зекен поднялся, пошел по берегу и задумался. Но не о деньгах, а о Тане. У нее пепельно-белые волосы, нежные, как паутинка. Если поставить две головы рядом — ее и Зекена,— то это было бы все равно, что день и ночь. Зекену хотелось сказать Косте, чтобы тот никогда не дотрагивался до маленькой Тани. Впервые возникло подобное желание: Зекен еще ни разу не делал замечаний другу.

Так повелось с первого дня — делал замечания Костя. И в том не было обидного: Костя оказывал бескорыстную помощь. Однажды такие их отношения были даже зафиксированы с соблюдением всех формальностей. Мещеряков получил благодарность командира роты за то, что помог Адилову стать отличником боевой и политической подготовки.

Зекен прилег на траву. Над плотами кружила одинокая чайка. Байкал дремал внизу, бирюзовый и просторный; он был тих и покрыт блестками, как новогодняя елка. Вдали, по ту сторону Байкала, сверкая снегами, лежали могучие горы. Они вставали над морем, будто рядом, и казалось, если здесь крикнуть, то горы услышат.

Ничего такого не было в окрестностях колхоза «Чолпан», но там было все милее и ближе. Там жили маленький Зарлык, Роза, отец. Зекен спрятал лицо в траву и не задремал, а как бы унесся вдаль, весь отдался мечтам. Но сразу же очнулся: сплавщики спускались по тропинке к плотам. Рядом не очень громко, но и совсем не тихо заговорил дядя Паша:

— Ты, Мещеряков, Татьянку не обижай. Больше я тебе ничего не скажу.

И в сердце Зекена самым неожиданным образом уместились сочувствие Косте и благодарность дяде Паше. Вздохнув, Зекен еще сильнее зарылся лицом в траву. Дядя Паша закричал:

— Адилов! Хватит дрыхнуть!

3

Маленькая Таня гремела ведрами, цепляя их на коромысло. За водой ходить далеко — туда, где отлогий берег. На тропинке, точно из-под земли, вырос Зекен и остановил Таню.

Он вообще говорил забавно, с акцентом, а сейчас перепутал все ударения:

— Я принесу воды, можно?

От удивления Таня опустила ведра на землю.

— Тебя же засмеют наши сплавщики, — сказала она, укоризненно покачав головой.

Ранний час

Константин ВАНШЕНКИН

Весенний снег

Он был зимой полезен, а весною
Никчемным стал, и больше ничего.
И небо занялось голубизною
Над серыми просторами его.

Сползает снег в глубокие овраги,
Под солнцем ослепительным спеша.
Так сходит вдруг ненужный слой бумаги
С переводной картинки малыша.

И все вокруг прекрасней и моложе,
И даль необозримая светла.
И дышит мир как будто новой кожей,
А старая, ненужная, сошла.

Ранний час

Туманы тают. Сырость легкая.
И, ежась, вздрагивает сад,
И капли падают неловкие.
Заборы влажные блестят.

Еще лежит на травах изморозь.
Не шелохнется речки гладь.
И вся природа словно выспалась
И только ленится вставать.

Перед грозой

Предельно четки ощущенья.
Покоя в сердце больше нет.
Предгрозовое освещенье,
Где воедино мрак и свет.

Оно бывает очень спорным:
Порой глядишь и видишь вдруг,
Как то оранжевым, то черным
Все заливается вокруг,

То сизым, то червонно-красным...
Притихли, замерли дома.
Минута эта так прекрасна,
Пред ней ничто гроза сама!

Студентки

Среди цветущей мать-и-мачехи,
Среди пробившейся травы
Учебник высшей математики
И три девичьи головы.

А в небе облако качается,
И солнце льет свой ровный свет.
Никак ответ не получается,
Никак не сходится ответ.

И кто-то там, средь мать-и-мачехи,
Приподнимается с земли:
— Ау, ребята! Где вы, мальчики!
Пришли бы, что ли, помогли!..

* * *

С воодушевленьем и задором
Девочка, беспечна и горда,
Говорит, захваченная спором,
Что не выйдет замуж никогда.

И подружки страшно горячатся,
Спорят — ничего не разберешь.
Рассуждают: можно ли ручаться!
И решают: можно, отчего ж!..

Только мать молчит, не двинет бровью,
Но потом не спится ей в ночи.
Скоро дочка встретится с любовью:
Больно споры эти горячи.

— Зачем? — на лице его отразились напряжение и растерянность.

— Чего ради? Скажут, гоняешься за мной... Какой ты странный,— рассмеялась Таня.

— Какой?

— Не такой, как все, — она подняла ведра. — Вежливый очень...

— Солдаты все такие,— оправдываясь, ответил он.

— Это пока вы в армии, — нараспев сказала Таня, разглядывая Зекена.

Все заметила: лицо скуластое, лоб высокий, чистый, кожа на лице смуглая, под цвет бархатистых печальных глаз. Глаз таких еще не встречалось. В глубине их было что-то просторное и спокойное, как в сумеречной степи. Пожалуй, он был бы совсем некрасив, если бы не эти необъяснимые глаза.

— Ну, что ж, пойдем за водой...

На берегу она села на камень и поджала под себя голые маленькие ноги. Зекен стоял, опустив руки по швам.

— У тебя родные есть? — спросила Таня.

Он добросовестно перечислил всех родственников.

— А где ты до армии работал?

— На фабрике... грузчиком. Недалеко, совсем рядышком от колхоза нашего.

— Хорошо в Казахстане?

У Зекена на сердце полегчало. Какая она умница, что спрашивает о самом близком! Он опустился перед ней на мокрый песок.

— Очень хорошо в Казахстане, — сказал он серьезно. — Степи у нас, очень богатые степи, а за ними — горы... Видишь там, за Байкалом, такие же, не меньше... Табуны большие гуляют, овцы, кони, верблюды, а трава очень высокая — лошадь скроется. — Он взмахнул руками. — Вот!

Таня сосредоточенно завела глаза под лоб, глядя, куда он показывает. Зекен во весь рот улыбнулся, и белые зубы его мягко блеснули.

— А земля какая! Жирная земля. Все родит! Золото там нашли. Там такой бугор есть, в том бугре нашли. А где этот бугор, — добавил он тише, — неизвестно.

— Ты его не видел?

— Видел...

— Почему же неизвестно?

Зекен умоляюще посмотрел на нее, произнес низким шепотом:

— Государственная тайна...

Маленькая Таня расхохоталась:

— Не бойся, выпытывать не стану.

Она вытянула из-под себя одну ногу и осторожно провела пальцами по песку.

— Ты, как петух, Таня, — сказал Зекен, восхищенно оглядывая ее. — Петух тоже одну ногу спрячет, на другой стоит. Долго. Почему тебя зовут маленькая Таня?

— Потому что маленькая, любой унесет.

— Я унесу, — сказал он.

— Ты сильный, — она еще раз провела ногой по песку, задумчиво склонила голову набок. — Хорошо, что у тебя отец есть. У меня только братья и сестры. Пока училась, я у брата жила... Но знаешь, Зекен, все же — чужая семья, — она вздохнула слегка, потом посмотрела на Зекена испуганно, словно выдала тайну, вскочила и зачерпнула полные ведра воды.

Он хотел взять коромысло, но она не дала.

— Не надо, Зекен, не хочу, чтобы над тобой парни смеялись. Ты хороший... А сейчас не ходи за мной!

Зацепив ведра, пошла к бараку быстрой походкой, пританцовывая под тяжестью.

4

Поужинав, Зекен прилег на койку поверх одеяла, как это делали все, но сразу же вскочил, снял с вешалки гимнастерку, пришил чистый подворотничок и переоделся. Так его приучили в армии, а сейчас он особенно любил эту свою привычку, потому что она нравилась маленькой Тане. За прошедший месяц Зекен словно одичал, он боялся смотреть Тане в глаза и стал таким молчаливым, что Костя, обеспокоившись, сказал однажды:

— Надо бы тебе уж ехать в свой «Чолпан», а то здесь с тоски пропадешь.

Костя сел бриться: он собирался в поселок. На Таню он теперь не обращал внимания. «Подумаешь, недотрога»,— говорил он. Но Зекен чувствовал: она нравится Косте. Костя рассказал Зекену, что до их приезда за ней, оказывается, ухаживал Мишка Урванцев, но не пришелся ей по душе.

— Парень-то какой, Мишка! — сказал Костя удивленно.

А Зекен после этого уже не сомневался, что Таня — не для него.

Пока Костя брился, многие сплавщики ушли на Лиственничный рейд. Те, кто остался, вели нескончаемые ленивые разговоры, состоящие главным образом из воспоминаний, перескакивающих с одного на другое. И Костя в этом не отставал.

— У меня жизнь сложилась такая, что за пять вечеров не обскажешь, — скромно заверял он, густо намыливая щеки.

Зекен улыбался тому, как ловко врет Константин. В действительности его жизнь была совсем проста, как у Зекена: семилетка, несколько лет работы, армия.

Дядя Паша, так и не дождавшись продолжения рассказа Кости о превратностях жизни, принялся вспоминать о том, как работала на сплаве его жена Варя, когда сам он уходил на войну.

— Женщина терпеливей любого мужика, — рассуждал дядя Паша, — днем на работе наворочается, вечером детишек обшивает, кормит и поит. И упрека от нее не дождешься. А мужик — он что, он заботы об женщине проявляет ноль. Я любому скажу: мало ценим женщину. Варя, может, ждет меня сейчас, все, небось, слушает, не иду ли. И сходить бы. Пять километров... Приустал маленько, не иду. Вся и забота...

Из сеней неожиданно откликнулась Таня.

— Все бы так заботились! — сказала она. — Поучились бы у вас, дядя Паша, отношению! — и умолкла, будто притаилась.

— У меня тоже жизнь сложная, — сказал Костя громко. — Я в армии как-то ангиной заболел, в госпитале лежал. Нашла на меня такая тоска! Задумал роман написать, называется «Моя жизнь». Написал десять страниц, надоело.

Зекен опять улыбался. Он чувствовал, что всем сердцем привязан к этому фантазеру, к своему бесшабашному, но очень доброму и преданному другу. И снова заговорил дядя Паша, сказал несколько слов и Мишка Урванцев и еще кто-то. Зекен все так же молча слушал. Ему было спокойно и радостно среди сплавщиков, будто он прожил среди них долгую жизнь и полюбил их всех давным-давно.

Костя побрился и ушел. Зекену захотелось выйти на воздух. Самое сложное было пройти сени, освещенные яркой электрической лампой. Здесь, за ситцевой занавеской, вся белая от подушек и кружевных прошв, стояла кровать Тани. На табуретке топорщилась раскрытая книжка. Таня мыла посуду в эмалированном тазу.

Маленькая, большеглазая, она могла сделать с Зекеном все, что угодно. Могла взять его за руку и сказать: «Пойди, прыгни в Байкал!» У него всегда что-то делалось со зрением, когда она так прямо и очень близко являлась перед ним. Глаза точно заволакивало

туманом; и сейчас он видел только спутанные белые волосы на затылке у Тани.

— Тоже уходишь, Зекен? — удивилась она.

— Прогуляться, — пробормотал он и налетел на табуретку.

Небо было усыпано звездами, оно словно смотрело тысячами напряженных сверкающих глаз, силясь что-то разглядеть на земле. Слышался размеренный шум прибоя. Байкал угадывался лишь по этому шуму; там, где лежал он, была сейчас страшная антрацитовая бездна, не отражавшая звезд, не имеющая ни конца, ни начала.

Но в одном месте бездны очень близко сверкнули огни. То шел пароход и, должно быть, вел на буксире плоты.

За этот месяц было много плотов и мало отдыха, не отдыхали и по воскресеньям. Бригаду бы опозорила задержка плотов. Их разбивали и, не задерживая, пускали бревна по Ангаре молем, то есть разрозненно, в свободное плавание. За месяц Зекен заработал три с половиной тысячи рублей, до этого он никогда не владел сразу такой большой суммой. В день получки оба с Костей пошли в поселок и по три тысячи положили на сберегательные книжки.

Присев у барака, Зекен, не мигая, следил за огнями парохода. Там, откуда он плыл, существовала какая-то своя интересная жизнь, и Зекену вдруг захотелось узнать, какая она. Он слышал сквозь дощатую стенку сеней, как шлепали по полу танины ноги. Затем послышались тяжелые шаги.

— Далеко ли, дядя Паша? — спросила Таня.

— Схожу-ка, я, Татьянка, домой, оставайся за меня хозяйкой, — дядя Паша протопал сапожищами в угол к бочке с водой, громыхнул ковшиком и, видимо, напившись, вкусно чмокнул губами. — Лежал я, Татьянка, а Варя из головы не идет... Обижается, значит. Ребята, ясное дело, спят, а Варя ждет...

Дядя Паша растворил дверь.

— Пароход! — вскрикнула Таня.

— Сигары тащит, — зевая, сказал дядя Паша, — звонили мне: десять сигар. С утра займемся ими. Народу у нас не хватает, Татьянка, нам бы еще пяток таких, как новички...

— Особенно Адилов...

— Работник.

— Скромный, — сказала Таня.

— Думаю уговорить их обоих с Мещеряковым, чтобы в кадрах у нас оставались... до работы лютые. Ну, бывай, хозяюшка, на зорьке вернусь.

И он ушел. Зекен в темноте улыбался.

— Таня! — позвал он, набравшись смелости.

Она, удивленная, молчала. Потом спросила:

— Это ты, Зекен? Я думала, ты ушел в поселок.

— Нет, не ушел...

Несколько минут она ходила в сенях, что-то делая. Он догадался: переодевается. Таня вышла и села рядом, но через секунду поднялась, взяла его за руку и приказала:

— Пойдем вниз, посмотрим, как будут ставить плоты!

— Пожалуйста, пойдем, — покорно поднялся Зекен.

Таня легко скользила по темной, невидимой глазу тропинке. Зекен крепко держал ее маленькую руку, а сам, как никогда, осторожно ставил ноги. Сердце от неожиданности стучало, как молот. Внизу, на узкой песчаной полоске, Таня остановилась. Пароход включил прожектор, осветивший черные глянцевитые волны, и медленно поворачивался. Стучала машина, слышались крики людей.

Таня стояла, не отнимая руки и чего-то боясь, и смотрела перед собой. Секунду ее занимала мысль о том, останется ли Зекен, если дядя Паша ему предложит остаться. Но вопрос этот как-то сам собой улетучился из головы, как совершенно несущественный, просто пустяковый. Таня подумала, что Зекен — верный, надежный человек. Луч прожектора медленно скользил по воде и вдруг угас. Сразу невероятная темень окутала все. У Тани появилось такое чувство, будто во всем свете, кроме нее и Зекена, никого не осталось. Она смело прижалась головой к его плечу и почувствовала, что Зекен неуверенно дотронулся до ее волос. И ей было почему-то радостно оттого, что он не смеет ее обнять.

Зекену казалось, что сейчас Таня вспорхнет, как птица, и умчится по тропинке вверх. Он стоял, не дыша. Волны с шорохом ударялись о берег, катили за собой мелкие камни, словно кто-то быстро и боязливо проводил пальцами по клавишам баяна. И отчего-то именно сейчас в ушах его еще раз прозвучали полные удивления слова Константина: «Мишка-то Урванцев какой парень!» А сам Костя какой парень!.. Но жизнь что-то делала по-своему, никого не спрашивая, властно и щедро. Таня стояла рядом, вся трепещущая, близкая. Зекен чувствовал тепло ее тела и, захлебываясь от радости, еще не верил, что все случившееся — правда. Хотелось спросить: «Ты не смеешься, Таня?»

Мир един и неделим

Рауль Гонсалес ТУНЬОН

Мощный голос над Землею:
Пусть не льется больше кровь!
Миру — мир! — твердят
народы.—
Мир — надежда, мир — любовь!

Мир — на фабриках и пашнях,
В деревнях и городах;
Он несет корзину с хлебом;
Он и в песнях и в трудах.

Мир — ваятелю, артисту,
Старикам и детворе,
Лампе в тихом кабинете,
Топору в лесном шатре!

Мир — труду на побережье,
На равнинах и в горах,
Вахте в море бирюзовом,
Экспедиции в снегах!

Мир — ручью, реке и мосту,
Небу, облаку, мечте,
Зыбкой лодке рыболова
И девичьей красоте!

Мир — лесам растущей стройки,
Граням в горном хрустале,
Синим окнам лазарета,
Блеску солнца, серой мгле!

Мир — вязанью старых женщин,
Искре в пенистом вине,
Звону колокола в школе
И кухонной белизне!

Мир — дощатому причалу,
Кораблю в морском порту,
Грустным соснам над могилой,
Розам пурпурным в цвету!

Мир — вокзалам и базарам,
Светлой башне маяка,
Белоснежным кипам хлопка,
Черным сводам рудника;

Каждой ласточке, нашедшей
В шпиле старой церкви кров,
Сохранившимся в предместьях
Камням древних очагов!

Мир, ты—голубь долгожданный,
Всей земли крылатый друг.
Ты летишь на дальний Север,
Ты летишь на крайний Юг.

Мир, ты — жаворонок звонкий,
Лунный, чуть дрожащий свет,
Ты — сияющее знамя,
Зимний медленный рассвет;

Тишина зернохранилищ;
Песня мерная машины,
Ты идешь бескрайней пампой,
По дорогам Аргентины.

Над Америкою ночью
Ты созвездием сияешь,
Ты сегодня видишь горе,
Счастье завтра обещаешь.

Ты склонился над буссолью
На плывущем пароходе,
Ты — в гитарном перезвоне,
В жаркой домне на заводе.

С колесницею Авроры
В легком белом одеянье
Ты опустишься на землю
Утром в солнечном сиянье.

Перевела с испанского
М. БЫЛИНКИНА.

Рауль Гонсалес Туньон — современный прогрессивный поэт Аргентины.

ПРОСТОР

Александр ПРОКОФЬЕВ

Гармонь

Славна гармонь причудами,
Певучими пичугами.

Они с частушкой местною
Взлетают над невестою;

Над речкою с обводами,
Над всеми хороводами;

Они поют, торопятся,
А песни, песни копятся.

* * *

Как выходят гармонисты,
Так за ними трактористы,
На подбор молодежь,
И не хочешь, да пойдешь!
А за ними звеньевые,
На подбор боевые.
Вся гармонь огнем горит,
Говорит, говорит...
За собою повела
Три деревни, два села.
У нее из-под ладов
Входят в песню пять садов!
Первый сад — тополиный,
А второй — соловьиный,
В третьем — вечное лето,
А четвертый — в самоцветах,
Лучше пятого нету!..

Возле каменного брода

Шла я к речке по тропинке,
По нескошенным травинкам.

Вышла к речке:
— Будь добра,
Дай водицы два ведра!

Самой чистой и спокойной,
Чтобы мать была довольной;

Той, что слаще карамели,
Что пьянит сильнее хмеля;

Самой звонкой, самой синей,
Той, что есть в одной России!

К бережку плывет ответ,
Что воды спокойной нет.

Возле каменного брода
Замутили гуси воду.

Замутили, расплескали,
С белых крыльев пыль
смывали...

Простор

Дела, дела все разные,
Одних бумаг — стога!
А ведь сегодня празднуют
Заречные луга.

Простор там песней оглушен,
Не скучно никому,
И даже ворон приглашен,
Хоть триста лет ему!

Пускай сидит и сыт и пьян,
Смирит сегодня нрав,
Пускай услышит, как с полян
Несется запах трав.

— Кар-кар,— наверно, заведет
И на какой-то миг
Ромашку в толстый клюв
возьмет
И загрустит старик.

А рядом свищут соловьи
И пеночки поют,
А рядом яблони мои
Цвести не устают.

И все в нарядном, дорогом,
Все далеко видать.

Луга кругом,
Простор кругом —
Такая благодать!

Наплывала бирюза

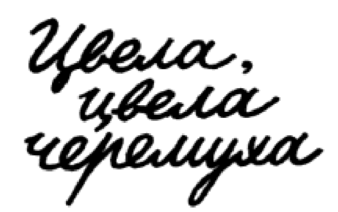
Ты сидела у реки
И плела венок,
Ветер, шедший в тростники,
Замер возле ног.

Наплывала бирюза,
Налетала быстрая
На веселые глаза
С золотою искрою;

На ресницы щеточкой,
Ленту-косоплеточку,

И на платьице горошком,
На траву-вьюнок,
На всю Лиду-босоножку,
Что плела венок!

Вот какие, брат, дела,
Вот в чем счастье лидино...
А черемуха цвела
Видимо-невидимо!

Цвела, цвела черемуха
На белой на горе,
Ломала я черемуху
Утром, на заре.

Черемуха весенняя,
Тебя красивей нет.
Ломала — листьев не было,
Был только белый цвет.

Ломала, в воду ставила,
Кидала на скамью,
Всему-то миру славила
Черемуху свою!

А под горою шалая
Река, забыв покой,
Зарю гасила алую
Холодною волной.

Цвела, цвела черемуха
На белой на горе,
Ломала я черемуху
Утром на заре.

Раздумье

Товарищам что-нибудь снится:
То снег, то цветы, то вода,
И сны их идут на страницы,
Становятся явью тогда.

А мне ничего не приснилось,
Ведь то, что присниться могло,
Давно уж со мною сроднилось
И в сердце глубоко легло.

Зачем мне! Я вижу воочью:
Мой мир полыхает огнем,
И звезды, горящие ночью,
И звезды, горящие днем.

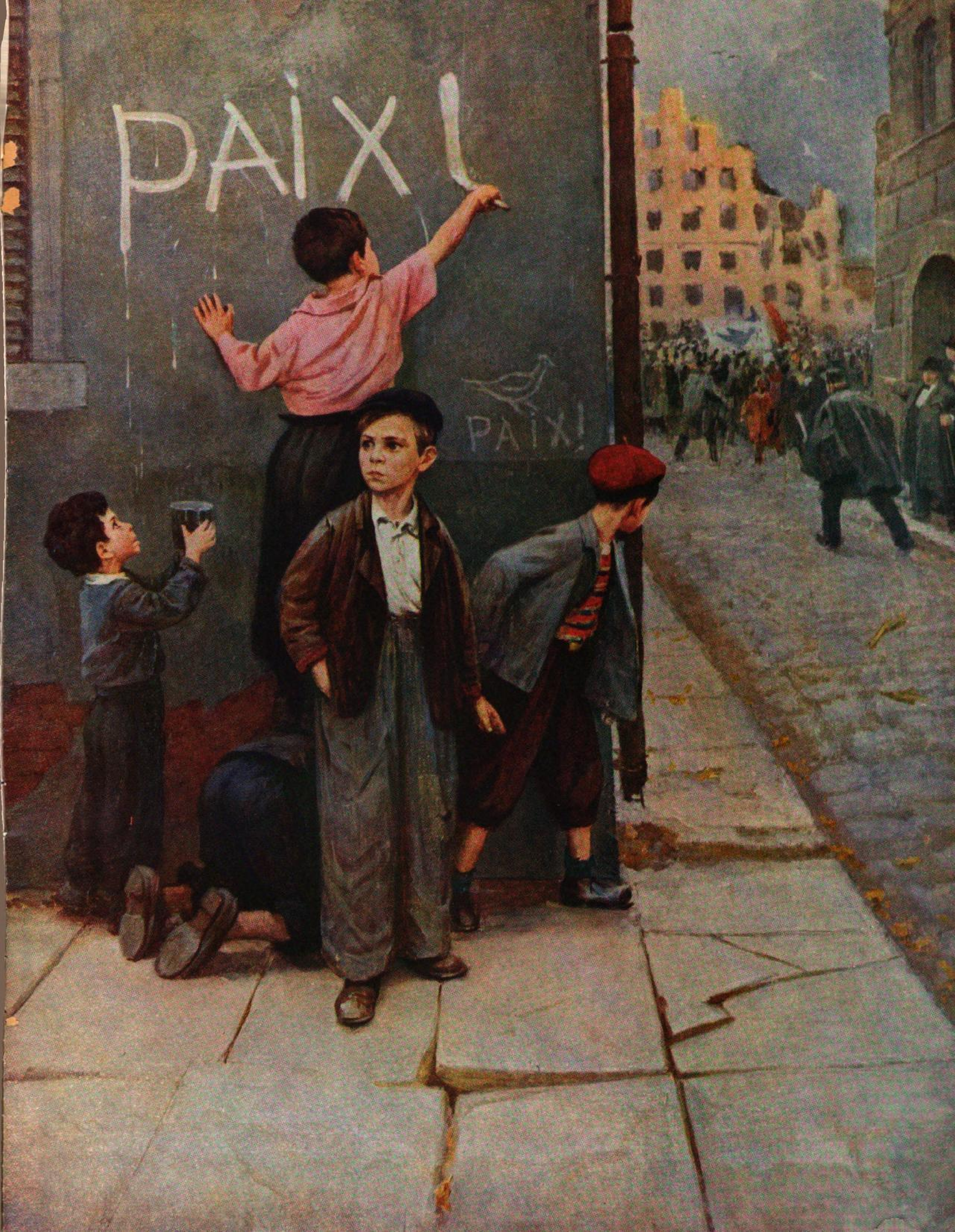
Я вижу дорогу большую
В сверканье цветов и лучей,
Я вижу, как буря бушует
И молнию гасит ручей.

И русскую зиму я вижу,
И тучи, что низко плывут,
И девушку в красном на лыжах,
Которую Зоей зовут.

ВЕСНА. Фотоэтюд П. Шведова.

Ф. П. Решетников. ЗА МИР!

PAIX!
PAIX!

PEACE
No
War!

3.000 километров по Вьетнаму

Демонстрация крестьян против собственников-эксплуататоров.

Войцех ЖУКРОВСКИЙ

Рисунки Александра КОБЗДЭЯ.

В «Центре»

Днем погода несколько прояснилась, и сразу же нам позвонили из ЦК Партии трудящихся Вьетнама.

Дождь прекратился, но с листьев еще непрерывно текла вода. Мы скользили и спотыкались на глинистой крутой тропинке.

Солдаты шли ровным шагом, пряча автоматы под скользкими от дождя плащами, смеялись и беседовали между собой. Два раза мы прошли мимо шалашей охраны. Сопровождающие называли пароль. Охрана с интересом разглядывала нас.

— Они спрашивают, не пленные ли вы,— сказал Ван Тань.— Это потому, что никого из европейцев, кроме оккупантов, мы здесь не привыкли видеть... Поэтому не осудите их за любопытство и за радость, когда они узнали, что это идут братья...

Мы шли гуськом сквозь докучливый туман. Под ногами трещали засохшие обломки бамбука. Тропинка вилась среди высоких деревьев. Внезапно мы наткнулись на хижину, к которой сходилось много проводов и кабелей. Телефонисты что-то кричали в эбонитовые трубки, стучали пишущие машинки, кто-то диктовал, кто-то переговаривался с далеким пунктом. На веранду второй хижины вышел невысокий бледный человек. Мелкая дождевая пыль садилась на его брови и ресницы.

— Это генеральный секретарь Партии трудящихся товарищ Чыонг Тинь,— шепнул нам Ван Тань.

Мы обменялись рукопожатиями. Несколько мгновений я чувствовал на себе проницательный взгляд, словно спрашивавший: «Можем ли мы положиться на тебя?» Потом мы обнялись и по-братски расцеловались.

— Благодарю вас за то, что приехали,— неторопливо сказал Чыонг Тинь.— Это для нас немалая радость. Пусть даже вам не понравится здесь, пусть даже вы не напишете о нас ни одной строки,— достаточно того, что вы здесь и можете увидеть нашу жизнь. Уже это прибавит сил нашим людям.

Моем руки, отряхиваемся, входим в помещение. Простой стол, по стенам развешаны большие штабные карты. Начинается оживленный разговор о наших планах и намерениях.

— Мы покажем вам все, что вы пожелаете, — говорит Чыонг Тинь.— Единственная трудность — время и средства передвижения.

Наша революция,— продолжал Чыонг Тинь,— сложное дело. Во-первых, она связана с освободительной войной; во-вторых, налицо огромная отсталость, наследие веков угнетения; в-третьих, многочисленные религии: буддизм, таоизм, католицизм... Еще одна сложность — это малые народности, наши горные жители, ман и тхо: разные языки, различные культурные традиции, иногда особая письменность. Французские колонизаторы создавали здесь недолговременные мелкие княжества только для того, чтобы поссорить нас, разделить, ослабить... Сейчас все эти народности представлены в нашем правительстве, и население без различия племенной принадлежности от всей души помогает армии...

Через оконный проем (плетеное жалюзи поднято и держится на бамбуковой подпорке) я вижу двух белок, скачущих, несмотря на ливень, по мокрому стволу дерева. Товарищ Чыонг Тинь замечает направление моего взгляда и чуть усмехается. Ему тоже приятно наблюдать за зверьками, играющими в «прятки».

— Джунгли живут своей жизнью, — задумчиво говорит он.— Я думаю, вам придется увидать и тигра...

Начинается рассказ об опасном хищнике.

— ...Три года назад,— говорит Чыонг Тинь,— довелось мне быть на одном собрании в горном селении. Наступили сумерки, как и сейчас. Мы сидели кружком на разостланных матах, речи были долгие, медленные. Дом,— вернее, просторный сарай — стоял за селением, вблизи леса... Все произошло молниеносно. Тигр вскочил через окно, схватил председательствующего и выпрыгнул в противоположное окно. Все онемели. Когда люди бросились на помощь, тигр уже тащил свою добычу в джунгли...

— Это, наверно, наказание за излишнюю разговорчивость, — пошутил, поеживаясь, Олек.

— ...Выбор тигра оказался не случайным, — продолжал, улыбаясь, Чыонг Тинь.— Председательствующим был как раз богатый землевладелец, крупный и пухлый мужчина, окружали же его худые, изголодавшиеся крестьяне... Должен сказать, что тогда немало враждебных элементов пробралось в сельские комитеты...

Разговор перешел к произведениям литературы, посвященным борьбе вьетнамского народа за свободу, мир и независимость. Мы говорили о «Черной реке» Пьера Куртада, «Нефритовых палочках» Мадлэны Риффо. Разумеется, я не преминул рассказать собеседникам содержание повести польского писателя М. Жулавского «Красная река».

— Вас мы очень просим: берегите себя, не болейте! — на прощанье сказали нам гостеприимные хозяева.— Не только для себя, но и для нас... Выполнив свою работу, вы поможете нам...

Он вышел проводить нас, не обращая внимания на дождь, освещенный блеском факелов. Капельки воды шипели, попадая в огонь. Огромные темные деревья склонились над маленьким домиком, как бы заботливо охраняя его...

Прием у Хо Ши Мина

Джунгли затянуты белесоватой пеленой: в трех шагах ничего не видно. Сквозь листву просвечивает красноватое солнце — два радужных кольца. Идем быстро: тропинки немного подсохли. Перед нами крутизна, заросшая пальмами. Дышим тяжело: туман оседает на легкие, как вата. Спешим. В одиннадцать мы должны быть у президента Хо Ши Мина.

Над нами, на крутизне, во мгле испарений кто-то ломает ветви, трещит сгибаемый бамбук. Огромные дыры на глинистой земле — словно кто-то топал по ней, прицепив к ногам медные тазы. А дальше видны целые массивы придавленных кустов — следы марша гигантов.

— Это домашние слоны! — успокаивает нас переводчик.— Они пасутся поблизости. Опасности нет, но дразнить их все же не советуем.

Мы клянемся в душе, что не станем фамильярничать со слонами. Внезапно слышим шум, треск ветвей, шелест вершины дерева.

Несколько выше нас, чуть скрытый стволами бамбука, стоит слон. Острые глазки зорко всматриваются, хоботом он пригнул несколько ветвей, чтобы лучше нас видеть. Легко колышутся широко расставленные огромные уши. Слон дышит мерно; две ровные струи пара бьют с конца хобота. Если даже в зоологическом саду слон производит сильное впечатление, то здесь, среди деревьев, в клубах тумана он выглядит грозно.

Русло горного потока... Прозрачная вода пенится на камнях,

В. И. Поляков, И. В. Радоман, Х. И. Шац. ПЕСНЬ МИРА.

вдалеке грохочет водопад, среди скал бушует быстрина.

— Теперь уже недалеко,— говорит Ван Тань. Мы задираем головы: как петушиные хвосты, торчат по склону листья веерных пальм, а над ними неожиданно снопами сверкающих лучей пробивается солнце. Лес редеет, видно несколько домиков. В одном из них живет президент.

Я узнаю его издалека. Легким шагом он спускается по тропинке навстречу нам. Высокий лоб, узкое энергичное лицо, скупая седеющая бородка и добрая улыбка. Клетчатый шарф обвивает худую шею. Коричневая куртка, чуть подвернутые брюки, на ногах — такие же, как и у солдат, сандалии из куска автомобильной шины.

Хо Ши Мин тут же начинает разговор. Он ведет нас в сторону домика.

— Вот поглядите на мой президентский дворец! — добродушно шутит он.— Второго такого вы никогда в жизни не увидите: ни один президент на свете не может похвалиться такими апартаментами!

Домик, веранда — все это звучит слишком громко для того, что мы видим перед собой. Четыре столба из толстого бамбука, на них укреплена платформа, куда ведет лесенка. Крыша из щепы.

Мы входим в рабочую комнату Хо Ши Мина.

Тут два стола. На один складываются почта, радиосводки, донесения, рапорты, бумаги по вопросам, которые надо решить. За вторым президент работает. На столе — старая, почтенная пишущая машинка.

— Очаг должен все время гореть, чтобы она не заржавела от сырости, — поясняет хозяин.— Впрочем, это создает некоторую иллюзию домашнего уюта...

Наученные нашим добрым Ван Танем вьетнамским обычаям, мы снимаем сандалии и по лестнице взбираемся на «второй этаж». Меня изумляет пустота: в углу висит противомоскитная сетка, под нею лежит свернутое одеяло, в углу старый чемодан. Это — все.

Президент говорит на безупречном французском языке. Его глаза смотрят молодо, в них светятся природный ум и юмор. Его явно веселит наше удивление спартанской простоте его образа жизни.

— Я здесь не одинок,— говорит он,— люди часто навещают мой дом. Шесть лет живем в таких условиях... Здоровье еще не покидает меня. Могу легко пройти сразу сорок километров, если надо... Мне полюбилось это место. Здесь так красиво и хорошо!..

Сейчас, когда травы и деревья, усыпанные светлыми каплями, сверкали под лучами яркого солнца, а верхушки пальм колыхались в теплой лазури неба, я готов был понять восхищенное восклицание президента. Но в период дождей, в беспрерывные ливни этот дом, видимо, был слабой защитой от неласковой стихии...

— Я вовсе не исключение!—говорил Хо Ши Мин, как бы отводя движением руки слова нашего изумления.— У нас тысячи людей живут так. Мне даже легче,— пошутил он,— у меня нет ни жены, ни детей...

Он помолчал, посмотрел на солдат, расположившихся у склона горы, бросил взгляд дальше — на долины, где сквозь стволы деревьев зеркально поблескивали рисовые поля, и сказал задушевно и просто:

— Моей большой семьей я считаю весь наш народ. До сего дня служил ему и до конца жизни хочу служить только ему...

Слова эти прозвучали без всякого пафоса, словно речь шла о деле важном, но совершенно очевидном и обычном.

— Они вас тоже очень любят, товарищ президент! — прошептал я, растроганный до глубины сердца.—Да и трудно не любить отца.

— Да, они довольно часто так называют меня,— улыбнувшись, признался он.— Обычно люди нашей страны благодарят меня за помощь. Но ведь я только посредничаю в ней. Они должны благодарить самих себя... Каждый из нас порознь немного значил бы, но готовность бороться за свободу сплачивает всех и вырастает в могучую силу, которая служит общему делу...

Президент помолчал мгновение, потом продолжал спокойно и строго:

— Нам очень трудно примириться с мыслью о долгой войне. Как хотелось бы нам вместо винтовок и гранат раздавать нашей молодежи книги, направлять людей в лекционные залы, на заводы и фабрики, поселить в хороших, настоящих домах из кирпича, а не из бамбука!

Он смолк и снова посмотрел на далекую равнину. Мы напомнили ему о последних победах Народной армии.

— Да, это правда. Мы наносим оккупантам известные поражения, но я не решился бы определить какой-нибудь твердой даты нашей победы... Мы не можем себе сказать: ну, еще год, еще два... Тут дело уже не во французских колонизаторах... Вот передо мной лежит перечень новых транспортов оружия из Соединенных Штатов. Разумеется, мы интересуемся этим, тем более что рано или поздно американское оружие может оказаться в наших руках... Однако главное не в этом: действия Соединенных Штатов затягивают войну, увеличивают страдания ни в чем не повинного населения нашей страны! Если бы не было интервенции Америки, мы давно бы договорились с Францией. Не забывайте, что французский народ является нашим подлинным союзником.

Солнце отразилось в круглом зеркальце и ослепило меня. Я невольно кинул туда взгляд. Хо Ши Мин заметил:

— Это зеркальце из сбитого самолета, часть прицельного устройства. Американский бомбардировщик. Солдаты принесли мне это зеркальце в подарок... Да, я знаю, что вы хотите ехать на фронт, мне уже говорили об этом... Собственно, войну искать далеко не нужно — она вокруг нас. Но если вы так настаиваете и генерал Во Нгуэн Зиап согласится, то... Да, мне тоже хотелось бы, чтобы вы посмотрели на нашу армию. Но вы должны быть очень осторожны, беречь себя... Мы ведь не можем согласовать период вашего пребывания на фронте с неприятельскими летчиками, а бомбы не разбирают, кто приехал...— пошутил Хо Ши Мин.— Но прежде всего поинтересуйтесь земельной реформой, мобилизацией сил крестьянства на проведение ее. Это на многое откроет вам глаза...

Президент Хо Ши Мин.

Генеральный секретарь Партии трудящихся Вьетнама Чыонг Тинь.

Мы начали просить президента, чтобы он сам хотя бы вкратце рассказал нам, в чем значение земельной реформы, почему только теперь революция перепахивает старый уклад села.

Президент стал рассказывать:

— Еще в 1952 году Центральный Комитет нашей партии поставил вопрос о земле как требующий неотложного решения. Национальный фронт наметил основу и поручил нам выработать директивы. Около двухсот членов Национального фронта, принимавших участие в этом совещании, разъехались по селениям. Они начали подготовку проведения реформы. Этот период длился три месяца. Потом мы обсудили ошибки, подытожили успехи. Новую инструкцию о земельной реформе мы все еще считаем временной, предварительной. Практика, жизнь научат нас. Благодаря опыту мы избегаем серьезных ошибок, ведем дело без доктринерства, чтобы потом не сворачивать, не приостанавливать работу. Естественно, что мы опираемся на опыт Советского Союза, народного Китая и ваш. Цель у нас та же самая — облегчить труд и жизнь крестьянина.

Мы конфискуем землю только у тех собственников, которые являются явными изменниками или запятнали свои руки в крестьянской крови. У остальных, крупных и средних, землевладельцев государство землю выкупает, и земля тут же раздается крестьянам. Это некоторого рода заем. За землю мы платим облигациями, которые будут выкуплены Народным банком через десять лет. Сейчас мы будем платить ежегодно полтора процента от суммы, в которую оценена откупленная земля... Видимо, закон этот был очень нужен, а решения давно назрели, коль скоро он был принят единогласно. Должен напомнить вам, что у нас в парламенте заседают не только рабочие и крестьяне, но и купцы, фабриканты, землевладельцы. Голосование данного закона было подлинным испытанием их добросовестности и лояльности...

Президент отодвинул кресло, поднялся по лестнице на чердак. Спустя минуту он вернулся со

Главнокомандующий Народной армией Вьетнама Во Нгуэн Зиап.

свитком карт, разложил одну на глиняном полу, и мы присели около нее.

— Здесь нанесены селения, где мобилизация крестьянских сил находится в полном разгаре...— показывал он на красные точки.— Крестьянина надо убедить в том, что он является силой, которая может заставить эксплуататора выполнить наши законы и директивы!.. Пока, конечно, речь идет только о снижении арендной платы. Этот наш декрет очень часто землевладельцы утаивали от крестьянина либо, пользуясь зависимостью безземельного бедняка, всякими угрозами принуждали его вносить прежнюю, чрезмерную плату... Публично они соглашались выполнять закон, но на ухо шептали крестьянину: «Декрет ничего не говорит о том, кому именно я должен сдавать землю в аренду. Если не принесешь того, что с тебя причитается, то я не возобновлю с тобою договора!». И бедный крестьянин ночью, тайком от односельчан, приносил эксплуататору дополнительные корзины риса.

— А кто проводит предварительное разъяснение среди крестьян? — спросил я.

— Партийные и беспартийные люди, которые прошли предварительный инструктаж. Мы называем их кадровиками. Чтобы действительно помочь крестьянину, надо хорошо знать условия, в которых он живет. Надо проникнуть во все тайные сговоры, существующие на селе, распознать, кто у кого шарит по карманам. Есть очень сложные родственные узы, часто они скрывают за собой рабство — делается это через усыновление богачами детей бедняков... Поэтому-то каждый наш работник по земельной реформе должен пробыть в определенном селении не меньше месяца и проникнуть глубоко внутрь жизни каждого человека. Мне пришлось сформулировать это следующим образом: «Жить не меньше месяца с самыми бедными крестьянами этого селения; питаться вместе с ними и за это отработать лично; работая сообща с ними, укреплять их сознание, разъяснять, агитировать!» Результаты пока в общем хорошие... Наконец-то крестьянин пожинает плоды своей борьбы: он избавляется от обременительной арендной платы, получает больше земли для обработки и, следовательно, собирает больше риса... Он может выкармливать необходимых ему для пахоты буйволов. Быстро растет и сознание крестьянина. Мне очень хотелось бы, чтобы вы проследили все эти этапы в разных селениях,— тогда вы до конца поймете, что́ представляет для нас аграрная революция...

Президент поднялся и сказал:

— А теперь давайте пообедаем. Вы, наверное, проголодались?

Мы помогли президенту перенести пишущую машинку, убрать бумаги и карты. Вскоре был накрыт стол.

Нам подали таз для умывания. У моего спутника манжета от рукава рубашки оказалась в крови.

— А, кон вата! — спокойно заметил Хо Ши Мин.— Сперва умойтесь, потом перевяжем. Укус сделан на самой вене. Пиявка знала, где нужно искать кровь...

Президент подвел пострадавшего к очагу и горячим пеплом от сгоревшего бамбука присыпал ранку.

— Жжет? Придется потерпеть немного... Это «скорая помощь» по-партизански... А теперь—кусок бинта.

Мы уселись за стол. Президент вернулся к прерванному разговору.

— В одном большом селении, где была католическая церковь, к кадровику вначале отнеслись недоверчиво, потом постепенно стали слушать его беседы. Он работал с крестьянами в поле и завоевал их уважение. Когда подошел какой-то католический праздник, ему даже поставили кресло поближе к алтарю. Патер возмутился таким самоуправством прихожан, но они прямо заявили ему: «Ты отец наших душ, а он отец наших желудков! Если желудок пуст, то и душа слабнет, ясно? Поэтому давай, начинай мессу и моли бога за нас!»

Президент весело рассмеялся вместе с нами.

— Что дает рост сознания крестьян для фронта? — спросил я.— Ведь, наверно, внимание крестьянина приковано к земле?

— У нас люди идут в армию добровольно, — ответил Хо Ши Мин.— Из селения, откуда ранее приходило записываться в партизаны десять человек, теперь приходит сто. Мы не можем всех принять, обучить и вооружить. Тогда они тут же совещаются и сами отбирают самых достойных. Они говорят, что оказывают избранным великую честь, поручая им защищать своих братьев от неволи и голода...

— Как реагируют на земельную реформу ваши политические противники? — спросил я.

— Недавно из Парижа в Ханой приезжала одна делегация. Она хотела установить, почему с такими трудностями идет их война на нашей земле... Проанализировав обстановку, делегаты заявили: «Земельная реформа в руках коммунистов (так они называют нас) является оружием более страшным, чем атомная бомба!». Могу заверить вас, что они не ошиблись! — живо замечает президент.— Ясно, что собственники пытаются нам мешать и вредить. Но это мало помогает им...

Хо Ши Мин на минуту задумывается, словно вспоминая о чем-то.

— Оккупанты,— говорит он,— пытались у себя провести фальшивую реформу. Их банк давал даже взаймы крестьянам деньги на покупку участка земли у собственника. Но это, конечно, не освобождало крестьянина; он попадал в кабальную зависимость от банка. Теперь его душили уже две петли вместо одной... Случается, что в каком-то селении, где мы проводим реформу, оказываются семьи самых беднейших крестьян, лояльно относящихся к нам. Но сын у них одурачен: голод заставил его вступить в ряды марионеточной армии Бао Дая. Тогда полагающийся ему надел земли остается в резерве, под опекой волости. Солдат сам должен придти и получить ее для себя. Родные пишут ему бесчисленные письма, или даже кто-нибудь из них переходит через фронт и уговаривает сына вернуться... Мы знаем сотни случаев, когда баодаевские солдаты, уходя от врага, приносят с собою оружие. Да, реформа в наших руках является могучим оружием!..

Президент простился с нами. Он стоял на крылечке и, облокотившись о столб, долго махал нам рукой. Мы быстро спускались по тропинке, сбегающей в долину. Обернувшись еще раз, я увидел в блеске заходящего солнца его серебристую от седины голову. Он уже сидел за пишущей машинкой.

— Замечательный человек! — воскликнул Олек.— Сколько в нем обаяния, какая неиссякаемая молодость!

Вьетнамцы рассказывали нам о Хо Ши Мине. Они передавали те сказания, которые сложились о нем в народе. Я расскажу одно из них, близкое к действительности.

— Когда была провозглашена независимость Вьетнама и президент Хо показался на балконе дома в Ханое, а ликующий народ встретил его овацией, один из министров обратил внимание на то, что по улицам развешано множество французских флагов. Колонизаторы сделали это демонстративно. Министр внес предложение немедленно снять эти флаги. На это Хо Ши Мин ответил: «Ты хорошо знаешь, что не в этом главное,— флаг должен храниться в сердце, а не просто развеваться в воздухе. Тот, что в сердце, не сорвешь! Если все вьетнамцы Ханоя вывесят свой национальный флаг, флаги колонизаторов исчезнут, растворятся в море наших. И дело обойдется без оскорблений и сеяния ненависти». Эти слова Хо Ши Мина молниеносно облетели все предместья Ханоя. Буквально час спустя нельзя было заметить флагов оккупантов в океане вьетнамских флагов...

— Наш президент! — тихо сказал Ван Тань. — Большинство вьетнамцев называет его попросту «отец Хо». Он вселяет в нас силу и стойкость. Идут годы долгой и жестокой, несправедливой войны колонизаторов против нас, но путь наш ведет к победе...

Пейзаж северного Вьетнама.

Подносчица риса.

Отдыхающий солдат.

ОДИН ПРИЯТНЫЙ ВЕЧЕР

Рассказ

Рут СТЕЙНБЕРГ

Рисунки Л. Бродаты.

Пит решил взять себе свободный вечер.

Год был не из легких, и для профсоюзного вожака выкроить даже несколько часов отдыха было делом неслыханным, — разве что по случаю женитьбы или, упаси боже, похорон.

Но бывает ведь так, что у профсоюзного организатора есть дома жена. И, как пишут в балладах, она любит его, а он ее. Удивительно ли, что ей хочется иногда провести с мужем тихий вечер, прочитать вместе газету, послушать радио,— словом, пожить нормальной жизнью? Разве не для этого, в конце концов, свершаются браки? И вот жена заладит каждый день одно и то же: скоро, мол, узнавать тебя в лицо перестану!

Пит наконец решился. Явившись однажды в помещение профсоюза, он твердым голосом заявил, что ему нужен один свободный вечер. Прошло, правда, еще два месяца, прежде чем Питу удалось им воспользоваться. Наконец был твердо намечен будущий четверг — по четвергам, говорят, не случается ничего чрезвычайного.

Хотя все было решено заранее, Питу показалось, что четверг этот наступил неожиданно. Он все еще как-то не был внутренне подготовлен. В половине шестого (условленный час, когда ему надо было уходить) ребята — Пит был их любимцем — принялись наперебой торопить его. И, странным образом, это вызвало в нем какое-то недоброе чувство. Может быть, потому, что очень уж необычно звучали слова товарищей:

— Да ступай же ты наконец домой! Человека ждет жена, а он...

Что-то злило Пита, и он сам не понимал, что именно.

Он хмуро попрощался и, уже стоя в дверях, произнес как-то вызывающе:

— Так вы не вздумайте звонить мне по всяким там неотложным делам! Считайте, что я уехал за город...

И Пит вышел, сильно хлопнув дверью. Когда он был уже на улице, Джо окликнул его через окно:

— Ты забыл шляпу, Джерк. И передай мой привет Рози.

Шляпа совершила полет по воздуху, и раздражение Пита вдруг прошло. Сверху на него глядели веселые, дружеские глаза Джо.

Питу Джерку можно было простить его несколько крутой нрав и то ожесточение, которое он проявлял в споре с любым противником. В конце концов, ему было двадцать четыре года, а на плечах лежала немалая ответственность: ему доверила свою судьбу большая группа людей его же возраста и той же профессии. Он был организатором местного профсоюза чернорабочих. Особую ярость вызывали в нем хозяева, которые все норовили доказать, что он и его ребята — люди второго сорта. Попробовали бы эти боссы хоть один день обойтись без его кряжистых парней, которые таскали тяжести, упаковывали, грузили и разгружали... Пит гордился своими товарищами, такими же, как он, грубоватыми и непокорными. И надо сказать, что при упоминании имени Пита или его маленького профсоюза дрожь пробегала по спинам хозяев.

Пит всю жизнь рос дичком. Теперь он крепко стоял на своих длинных, мускулистых ногах, казалось, бросая вызов всему на свете. Но все знали, что есть нечто, способное умягчить сердце Пита Джерка: его жена. И не то чтобы Пит дома не давал волю своему нраву — это случалось временами. Но всякий раз, когда он глядел на нее, какая-то теплота разливалась в нем и, как по волшебству, он становился нерешителен и мягок. Крепкие руки его, которые так часто приходилось сжимать в кулаки, становились нежными и осторожными, когда он касался ее руки.

Впервые Рози увидела Пита в комнатушке профсоюза — он громким голосом давал указания товарищам. Ей, простой работнице, он показался неприступным и твердым, как сталь. Однажды случилось так, что она, робкая, вздрагивавшая при каждом резком звуке, взглянула ему прямо в глаза. И вот этот шумный, сердитый непоседа вдруг сразу осекся, словно чем-то пораженный, и смущенная улыбка тронула его губы. Ей стало хорошо, она почувствовала себя так, словно оперлась на его руку.

Теперь она воевала со всем профсоюзом за то, чтобы Пит хоть один вечер провел дома. Она воевала за это и с Питом — бедняга до того заработался, что совсем перестал спать по ночам...

* * *

Пит уже дошел было до дому, но вдруг повернул назад. В цветочном магазине он спросил букетик маргариток. Потом забежал в булочную и купил несколько сдобных булок и хлеб, какой любит Рози,— горячий, прямо из печи.

За обедом его вдруг охватило знакомое беспокойство: как там, в профсоюзе? Так странно было сидеть за столом, дома, когда на дворе едва только смеркалось. Но Рози он об этом не сказал ни слова.

Обычно Рози на лету ловила малейшее изменение в настроении Пита. Но на этот раз она действовала с непреклонным упорством. Питу было решительно приказано снять ботинки и улечься на диван с газетой в руках, как делают все добрые люди. Смутная надежда, что жена вдруг передумает и милостиво разрешит ему бежать в профсоюз, окончательно умерла в сердце Пита.

Он устраивался на диване чуть ли не целый час. Рози училась на чертежных курсах, и ей надо было сделать несколько набросков. И хотя она усердно работала карандашом, ее голубые глаза то и дело весело оглядывали комнату и с удовлетворением останавливались на диване: ну-ка, что там муж делает?

Пит снимал ботинок. Пока он развязывал шнурки, взгляд его был неподвижно устремлен в одну точку. Потом он поднялся и в одном ботинке заковылял в кухню за газетами. Оттуда он появился нагруженный пачкой газет, пакетом с яблоками и куском домашнего пирога. Долго и аккуратно устанавливал Пит возле дивана круглый столик, укладывал на нем пирог и яблоки так, чтобы легко было достать рукой. Тут одно яблоко упало на пол и закатилось под стул, на котором сидела Рози. Ползая на четвереньках, он наконец добыл яблоко, вытер подолом блузы и положил на столик.

Теперь все было готово. Пит зевнул, вытянулся во всю длину на диване и развернул газету. Но тут же снова вскочил, как ошпаренный: он забыл снять второй ботинок. Опустив ноги, он неторопливо стал развязывать шнурки, потом надолго застыл, отвлеченный зрелищем дыры на носке. Наконец улегся снова, достал из пачки сигарету и поднес к ней зажженную спичку. И тут оказалось, что вблизи нет пепельницы. Он растерянно посмотрел на Рози. Она, конечно, поднялась, и стеклянная пепельница была тут же принесена. Теперь Пит почувствовал себя счастливым: у него было все под рукой! И он взялся за газету.

Все выглядело так, как десятки раз мечтала Рози.

Она углубилась в работу, ловя рассеянным ухом музыку из радиоприемника. А муж тем временем завел вслух спор с газетой, толкуя на все лады о том, что было там напечатано. Рози не имела ни малейшего понятия, на кого он сердится и почему, но, как всегда, она была всем сердцем на его стороне.

Он ворочался, курил, грыз яблоко. Теперь Рози не могла оторвать от него глаз. Потихоньку она начала набрасывать на бумаге его лицо. Она так увлеклась, что чуть не подскочила, когда Пит вдруг окликнул ее.

— А что, если нам выпить еще по чашке кофе? — Голос его звучал серьезно и озабоченно.

— Конечно! — ответила Рози, чему-то радуясь. — Я бы выпила с удовольствием. — И она приподнялась со стула.

— Погоди-ка! — воскликнул он, протягивая к ней руку. — Раз ты жена, так уж готова бежать на кухню? Нет, сегодня я дома. Я отдыхаю, да? Так вот я и пойду приготовлю кофе.

Она опустилась на стул, словно ее кто-то усадил силой. Пит сбросил газеты на пол. В конце концов, разве он не может сделать что-нибудь нужное по дому? Мягко ступая в носках, он отправился на кухню.

* * *

Проходя мимо Рози, Пит взглянул на рисунок.

— Ого! — закричал он, тыча пальцем в свое изображение. — Это я! Я узнал себя сразу...— Он замер с вытянутой рукой.— Ну, просто замечательно! Как вылитый!..

И тут раздался телефонный звонок. Рози впилась в мужа глазами. Он споткнулся на пороге кухни, быстро обернулся и пожал плечами, как бы говоря: этот звонок не ко мне, я тут ни при чем! У него был вид абсолютно безгрешного человека.

Рози встала и сняла трубку.

Тонкий, немного хрипловатый мужской голос произнес:

— Хэлло! Будьте любезны, Пит дома?

Это подчеркнутое «будьте любезны» прозвучало для Рози так, будто она была в чем-то виновата.

— Минутку! — не очень вежливо бросила она в трубку.

Нет, Рози решительно не желает, чтобы в этот вечер кто бы то ни было тревожил Пита — пусть даже для разговора по телефону! Уж кому, как не ей, жене профсоюзного организатора, знать, что этот звонок — первый сигнал к тому, чтобы снова отнять у нее сердце и мысли мужа...

Рози прикрыла рукой трубку и обернулась к Питу. Он молча ждал, высунув голову из кухонной двери.

— Спрашивают тебя! — сказала она осуждающе.

— Кто бы это мог быть? — произнес он с неподдельным изумлением, еще раз подчеркивая свою полную незаинтересованность.— Может быть, ошиблись телефоном? Или им нужен другой Пит?

— Кто у телефона? — крикнула Рози в трубку.

— Клоун! — ответил высокий мужской голос.

— Клоун... — повторила она для Пита.

Милые глаза Пита глядели прямо ей в лицо.

— Дай мне трубку, — сказал он.

И он взял трубку из ее рук: она даже не заметила, как он незаметно очутился рядом с ней.

— Хэлло, Бергер! — закричал Пит в трубку; он всегда очень громко разговаривал по телефону. — Ну, что там стряслось?

Бергер что-то глухо бубнил в микрофон. Лицо Пита стало озабоченным, потом снова прояснилось.

— Ах, вот что! — крикнул он с веселым изумлением. — Где ты сейчас?

Он послушал еще, потом сказал:

— Одну минутку!

Прикрыв трубку рукой, Пит обернулся к Рози. Но она с таким ожесточением отрицательно качала головой, что его рука задрожала. Ну, конечно, он сейчас опять уйдет, ему надо повидаться с этим клоуном... А ей снова сидеть одной? Нет, ни в коем случае!

— Да погоди же ты, — умоляюще заговорил вполголоса Пит, приближая свое лицо к лицу Рози. — Ты ведь не знаешь, что я хочу сказать. Почему же ты сразу говоришь «нет»?

Она отступила на шаг, всем своим видом показывая, что не желает и слушать...

— Да пойми же, у этого парня... У него только что родила жена! Ему некому, понимаешь, некому звонить, кроме меня. Ясно? Как же не выпить с ним по этому случаю кружку пива? — Голос Пита звучал умоляюще. — Разве можно оставлять человека одного в такой час?

— Я не хочу, чтобы ты уходил! — Губы Рози слегка дрожали. — Я не хочу!.. Скажи ему, пусть приходит к нам...

— Эгей! Прекрасная мысль! — Пит живо уткнул губы в трубку и заорал: — Слушай, эй,

Бергер! Жена говорит, приходи сюда! Двигай, парень, отпразднуем это дело все вместе!

В микрофоне что-то нерешительно забулькало.

— Да нет же, все в порядке!.. Третий этаж... Давай!

И Пит повесил трубку.

* * *

— Знаешь, кто это такой? — торжествующе обратился Пит к Рози. — Это клоун!

Она ни разу не слыхала ни о каких клоунах.

— Да нет же, ты знаешь! Это тот парень, который командует нашими пикетами. Теперь они стоят возле склада игрушек этого толстяка Скалли... Бергер, понимаешь, надевает на себя клоунский костюм, чтобы больше ребят приходило в пикет и чтобы женщины и дети тоже собирались — для поддержки...

Рози знала: Пит говорит с таким увлечением не потому, что тут затесался какой-то клоун, а потому, что речь идет о главном в его жизни — о пикетах, о забастовке... Все равно, она ни за что не уступит этого вечера никому — это ее вечер! Но когда она ставила на огонь кофейник, невольная улыбка скользила по ее губам: все-таки занятно будет увидеть человека, который только что стал отцом!..

А Пит в это время уставлял стол едой. Он выложил на тарелку кусок фаршированной рыбы, купленной для Рози, и итальянскую колбасу, приобретенную для себя. Теперь это будет для Бергера, счастливого отца! Остатки обеда, приготовленного на три дня, — тоже на стол! Хлеб уложен в корзиночку. Что еще? Кусок сыра, томаты, печеные груши — все, что было в шкафу, переселялось на скатерть, и скоро уже на столе не было места.

— Я думаю, он ничего не ел с утра, этот Бергер! — возбужденно говорил Пит.

Колокольчик робко звякнул у двери, и Пит побежал открывать. Рози слышала из кухни, как муж ее хохотал и весело хлопал гостя по плечу. В дверях появилась долговязая фигура молодого человека; он мигал глазами, ослепленный светом. Это был Бергер, тот самый, который так ловко разыгрывал клоуна. У него был широкий, растянутый в счастливую улыбку рот, курносый, шишковатый нос и шапка рыжих волос — они стояли сейчас дыбом, чуть не касаясь потолка. Глаза Бергера прятались в узких, смеющихся щелочках.

Пит помог приятелю снять пальто и рассмеялся.

— Парень, да ты все еще в своем клоунском облачении!

Бергер растерянно оглянул себя, потом уставился на хозяев, словно просыпаясь от долгого сна. Пальцы его машинально ощупывали пуговицы шутовского наряда.

— Забыл снять! — В голосе его было искреннее удивление.

Он торопливо сбросил пестрый балахон. Теперь на нем были темнозеленые широкие штаны и длинный, мешковатый, домашней вязки свитер, свисавший почти до колен.

Пит потащил гостя в кухню и торжественно представил его Рози. Потом рывком усадил Бергера на стул.

— Ешь! — сказал он твердым, не допускающим возражений тоном профсоюзного организатора.

Бергер с изумлением глядел на уставленный яствами стол. Его ноздри раздулись, почуяв запах кипящего кофе.

— Хо, — сказал он, поворачиваясь к Рози,— как хорошо пахнет!

Потом он снова повернул голову к кушаньям. Веселое его лицо вдруг сморщилось, и он заплакал.

* * *

Пит и Рози встревоженно переглянулись. Пит вдруг стал похож на ребенка, готового спрятаться в подол матери.

У Бергера катились из глаз крупные слезы. Он пытался что-то сказать. Но слова как-то рассыпались и не складывались в фразу.

— Жена моя... жена... — И он снова заливался слезами и прятал лицо в большой измятый носовой платок.

Тихая, маленькая Рози обошла стол и положила руки на спинку стула, на котором сидел Бергер. А муж ее, бесстрашный вожак профсоюза, продолжал топтаться на месте, не в силах согнать с лица выражение испуга.

Рози тронула странного гостя за плечо, потом провела рукой по его рыжей шевелюре.

— Послушай, парень, — сказала она с улыбкой. — Прибереги немного слез для следующего ребенка. Ведь этот — только первый!

Бергер вдруг сразу успокоился и серьезно посмотрел на Рози. Ее слова о следующем ребенке словно высушили его слезы.

— Следующий ребенок! Господи... — пробормотал он.

Потом Бергер внимательно оглядел стол и сказал спокойным, твердым голосом:

— Понимаете, у меня это с детства... Когда я бываю сильно расстроен, стоит мне увидеть еду, и я начинаю реветь...

Пит был явно обрадован: кризис благополучно миновал. Он сразу оживился, хлопнул Бергера по плечу и сказал с уничтожающим юмором, указывая на кушанья:

— Чего же ты плачешь, детка? Не плачь, тут не только для тебя поставлено. Я и сам голоден, как волк!

И Пит поспешно сел за стол напротив Бергера. Словно показывая наглядно, как разыгрался его аппетит, он схватил ломоть хлеба, положил на него большой кусок колбасы — у Бергера полезли вверх брови — и чуть не целиком засунул в рот этот огромный бутерброд.

После некоторого колебания — это чувство нерешительности в гостях было знакомо Рози с детства — Бергер всерьез принялся за еду. Он поглощал подряд все, что стояло на столе. Аппетит, с которым жевал Пит, подбодрял гостя, и кушанья быстро стали исчезать. Но вдруг Бергер перестал есть: он вообще все начинал и переставал делать как-то внезапно.

— Я сильно проголодался, — сказал он, словно принося извинение за серьезный проступок. Тут же он вскочил, выбежал в прихожую и вернулся с сигарой в руках.

— Вот, держи.— Он протянул сигару Питу. — Это по случаю... ребенка.

Бергер осекся и, краснея, посмотрел на Рози.

— Вам я не принес ничего.

— Надеюсь, у вашей жены все обошлось благополучно?— спросила Рози, чтобы помочь гостю преодолеть смущение.

— Да, благополучно! — вскричал Бергер, готовый снова вскочить со стула. — То есть нет, вначале было не очень благополучно, я бы сказал...

Он задумался на мгновение, потом наклонился к Питу и спросил с какой-то особой задушевностью:

— Скажи-ка мне, если только у тебя есть ответ на мой вопрос... Но я не буду в обиде, если ты и не ответишь... Может ли бедный рабочий человек, такой вот, как я, сдержать обещание, которое он дает своей жене?

Пит был поглощен сигарой. Он выпускал клубы дыма, словно не расслышав вопроса Бергера. Но он, конечно, слышал. Рози видела это по тонкой морщинке, которая прорезала лоб мужа. Он подпер голову кулаками и несколько мгновений смотрел в чашку с кофе. Его карие глаза, казалось, вглядывались во что-то далекое. Потом он проговорил медленно и задумчиво:

— Зависит от того, что́ ты обещал жене.

Рози внимательно посмотрела на Бергера. Он вдруг показался ей другим: этот парень, должно быть, серьезно размышляет над жизнью.

Пит продолжал:

— Если ты обещал жене, скажем, норковую шубу... — он пожал плечами и прищурился,— если ты обещал ей что-либо подобное, значит, ты лгун. Точно так же ты не можешь ей обещать, что обязательно будешь работать на следующей неделе или в следующем месяце... Но, — голос Пита звучал с твердой убежденностью, — одно ты можешь ей обещать: быть мужчиной и бороться за лучшую жизнь. Вот что порядочный человек может всегда обещать своей жене...

Бергер глядел, не отрываясь, в лицо Питу, он словно хотел заучить его слова наизусть. Рози подумала: хорошо бы нарисовать обоих этих мужчин — вот они сидят и смотрят друг

на друга и говорят о серьезных вещах, о том, что для каждого из них так важно и близко. Правда, Пит не раз высказывал такие мысли... Должно быть, поэтому слова льются у него так плавно, как песня...

Бергер вдруг повернулся к Рози и сказал, видимо, уже победив свою скованность:

— Моя жена была сиротой, как и я сам. — Ему, очевидно, очень хотелось поговорить о жене. — Оба мы выросли в сиротских домах.

— Вы там и встретились?

— Нет. Мы встретились на вечеринке. И знаете, что она сказала мне? Она сказала: «Только я на тебя взглянула, и вся твоя жизнь мне стала видна, как на ладони».

Рози разливала горячий кофе. Когда она передавала Бергеру чашку, Пит слегка коснулся ее руки.

— Вот что я скажу вам, — говорил Бергер, проводя по лбу большой, широкопалой рукой. — Ребята, бывало, смеются: «У тебя, Бергер, лицо, какое может нравиться разве только родной матери...» Но, знаете, был еще один человек, который очень любил меня, — это моя бабушка. Она взяла меня к себе, когда я остался сиротой. Мне было двенадцать. Бабушка была такая толстая, что едва могла двигаться, но она прибирала в доме, и варила, и жарила для меня, словно я был принц... Я не думаю, чтобы она так уж много ела сама, но она была очень толстая. Она и умерла, наверно, от ожирения...

Бергер подумал, взглянул на Рози и, прочтя интерес в ее глазах, продолжал:

— Когда она умерла, меня взяли в сиротский дом. И там-то у меня и появилась эта привычка — плакать, когда увижу еду. Потому что я вспоминал бабушку, она всегда старалась накормить меня досыта, как ни трудно ей было это...

Он усмехнулся, как бы снисходя к собственным слабостям.

— Там я и вырос. А потом, когда уже кончил учиться, я встретил на вечеринке Сильвию, мою жену. — Он приподнялся и провел пальцем черту поперек груди. — Вот до сих пор она мне приходится... Маленькая она у меня...

Пит очень любил всякие истории. Пока Бергер рассказывал, он тихо мурлыкал и старался показать, что готов слушать еще и еще.

— Моя жена Сильвия, — говорил Бергер, — была чистая девушка, чистая во всех отношениях. Когда мы полюбили друг друга, я сказал себе: «У нее нет семьи, и некому о ней заботиться. И нет человека, который сказал бы ей, что нельзя поздно приходить домой. Теперь я буду заботиться о ней, как брат».

Бергер взволнованно посмотрел на Пита и Рози.

— Вот что я сказал себе, когда мы полюбили друг друга.

Пит и Рози вежливо молчали, показывая, что они оценивают по достоинству образ мыслей гостя.

— Я хотел было подождать со свадьбой... Хотел прикопить хоть немного деньжат... ну, чтобы ей стало хоть немного лучше оттого, что она выйдет за меня, понимаете? И я обещал ей: «Мы поженимся, но только тогда, когда я смогу себе это позволить». И вот скажите теперь: выполнил я свое обещание? У нее была комната в Бруклине, у меня — комната в Истсайде. Целыми ночами я лежал без сна и думал о ней. В конце концов я пришел к ней и сказал: «Сильвия, что мне делать? Я знаю, что не могу себе этого позволить, но... давай поженимся! Потому что,— сказал я,— если мы сейчас не поженимся, я умру, честное слово». Она сказала: «Хорошо». Она вообще всегда говорит мне «хорошо». Даже когда ей хочется сказать «нет», она говорит «да».

Бергер старательно изобразил интонацию, с которой произносит Сильвия слово «да».

— Так вот, мы наняли квартиру из двух комнаток. Я все предупреждал Сильвию: «Ладно, мы поженились. Но ребенка пока не надо. Вот скоплю сто долларов — тогда...» Мне, понимаете, хотелось, чтобы у нее был хороший врач, когда придет время появиться ребенку. И потом, чтобы за ребенком был уход, на это все ведь тоже нужны доллары...

Бергер сидел перед Питом и Рози, выпрямившись, как перед судьями.

— Потом случилось вот это... Она сказала мне, что у нас будет ребенок. — Он беспомощно пожал плечами.

Пит кивнул головой и беспокойно взглянул на Рози.

— Ну вот, — продолжал Бергер, — если я не надоел вам, я расскажу, как я не сумел я выполнить даже самое пустяковое обещание, которое дал жене. «Раз уж я женился, — думал я, — а жена ждет ребенка и денег у нас ни цента, пусть хоть одно будет у нас так, как описывают в книжках». С месяц назад — это было как раз перед началом стачки — я уложил в пакет для жены белье и прочее, что нужно, когда она уйдет в больницу. Потом я взял пару долларов из получки и запрятал их за дверную притолоку. Эти деньги будут на такси, решил я, и на другие чрезвычайные издержки. Сильвия сказала, что я свихнулся: больница всего за два квартала от нас, и она прекрасно дойдет пешком. Но я настоял. Вот как я все это обдумал: такси — и никаких! А потом я ушел стоять в пикетах.

Пит придвинулся к Бергеру поближе, взял из вазочки яблоко и протянул приятелю. Тот взял его, не глядя.

— В пикетах я стоял каждый день, три недели подряд. И каждый раз надевал этот клоунский костюм. Можете себе представить, как обожает меня за это толстый Скалли! — Бергер усмехнулся.— Мы от него отвадили всех покупателей — и баста! Забавная история, право, с этим пикетом: ходим мы вокруг склада Скалли, как грешники вокруг ада... Сегодня Скалли открыл склад, как всегда. Мы ходим вокруг, ходим утро, ходим до обеда. И вдруг к вечеру паренек из моего дома — ты знаешь его, Пит, всегда у него под носом мокро — бежит со всех ног к пикету. «Гей, клоун,— кричит,— твоя жена собралась рожать!» Он так громко орал, что сбежалась вся улица, даже мистер Скалли собственной персоной вышел поглядеть, уж не начали ли мы тут революцию.

Ребята из пикета стали собираться кучей вокруг меня, гнать меня домой. Но тут я увидел мистера Скалли, его ядовитую улыбку. Меня взорвало. Еще бы, этой жирной скотине море по колено! А моя жена вот-вот родит ребенка... Может быть, от этого он так скалит зубы, мистер Скалли?! Наверно, думает: теперь у клоуна будет еще один лишний рот, и он больше не станет водить пикеты вокруг проклятой лавочки!..

Бергер, не замечая, передвигал предметы на скатерти.

— И вот я начал орать на ребят, чтобы шли на свои места: стачка продолжается, пикетирование продолжается! А потом я стал, ка-

жется, ругаться и... жаловаться. Всю горечь и несчастья, что я вынес за свою жизнь, я выложил тут сразу, и прохожие слушали меня. Я, не стесняясь, рассказал всем, что жена моя должна сейчас родить ребенка в больнице для бедных. Я говорил, что если кто-либо пойдет покупать товары у Скалли, то я не получу своих двух долларов надбавки... Я много чего сказал тогда. Я сказал, кажется, так: «Кровь моего ребенка — на игрушках Скалли!» Может быть, тут я немного перехватил, но люди все-таки решили не ходить к нему покупать, раз уж я говорю такое...

Конечно, ребята из пикета тоже разволновались, — продолжал задумчиво Бергер. — Они показывали на меня пальцами, объясняли людям, что жена моя лежит в родовых муках...

— Но что же было, когда ты пришел домой? — перебил его Пит. — Жене твоей было очень плохо?

— Я очень спешил, прыгал через три ступеньки... Но, представь себе, застал жену дома! Она лежала совсем одна. Увидев меня, она стала браниться. «Слушай, — сказала она, — зови врача. Я сейчас рожаю!»

Бергер все больше возбуждался: он подходил к концу своего рассказа.

— «Сию минуту достану такси!» — крикнул я. Вы помните, я ведь обещал ей это. А она говорит: «Зови врача. Роды начались, понимаешь?» Я до того растерялся, что выскочил из дома, кинулся на улицу и стал кричать во всю силу своих легких: «Помогите! Помогите! Жена родит! Моя жена!!!»

Какая-то женщина высунула голову из окна:

— Чего ты орешь, парень? Тоже Америку открыл — жена родит!.. На каком этаже она у тебя?

А я все кричал в божий свет: «Помогите! Жена родит! Квартира девятнадцать!» А потом — хотите верьте, хотите нет — у меня потемнело в глазах, и я свалился в обмороке.

Очнулся я у себя дома. В кухне было полно народа. Полицейский, врач «Скорой помощи», не меньше дюжины соседей. Когда я открыл глаза, двое здоровенных парней выносили мою жену на носилках. Я снова закричал и вскочил. Сосед остановил меня: «Поздравляю. Теперь вы отец!»

* * *

Бергер перевел дух, но рассказ еще не был окончен.

— Я оттолкнул соседа и пустился со всех ног вниз по лестнице. Машина «Скорой помощи» уже тронулась, я побежал за ней вслед. Я просил остановиться, подождать, но меня, наверно, не слышали. Так я и бежал вслед за машиной до самой больницы — все пять кварталов — и без отдыха взлетел на пятый этаж, в приемный покой. Через минуту вышел врач и сказал, обращаясь ко мне: «Мальчик!» Вот и все... Так я не смог исполнить даже это несчастное маленькое обещание! То есть я имею в виду такси. Нет, я никогда не смогу этого забыть...

Бергер яростно потряс головой и умолк. Он был бледен, его большие руки слегка дрожали.

— А вы уже видели вашу жену? — спросила Рози.

Он кивнул утвердительно головой.

— Они выкатили ее на столе. Как она была бледна! Глаза закрыты, а по щеке катится слеза... Она не глядела на меня, но, видно, чувствовала, что я тут, потому что она сказала: «Ты даже не успел пообедать!..» И вот я стоял, как дурак, и не мог выговорить ни слова. Все, что мне пришло в голову ей сказать, — это: «Сильвия, раз стачка уже кончилась...»

— Что?! — заорал Пит и, как подброшенный пружиной, вскочил со стула.

— Ну, да-а-а, — протянул Бергер, потирая правую щеку. — Мы кончили бастовать. А разве я не сказал тебе?

Он, видно, и сам не мог поверить, что упустил в своем рассказе такое обстоятельство.

Пит был вне себя. Он бросился в соседнюю комнату к телефону, но тут же вернулся.

— Как же это случилось? — едва выговорил он хриплым голосом. Рози поняла, что он хотел сказать другое: «Ну, конечно, так и должно было случиться, раз меня не было!»

— Хм... — Бергер все еще с недоумением смотрел на Пита. — А мне казалось, что я тебе все выложил. Понимаешь, мы стояли в пикете, и ругались, и кляли Скалли на чем свет стоит... А он вроде тоже нервничал — насчет крови на его игрушках... И вот он опять выглянул из двери и говорит мне: «Уходи ты домой, ради христа!» Но чем больше он меня упрашивал, тем больше я его крыл всякими словами перед народом, а ребята показывали на него пальцами. Он до того расстроился, что просто места себе не находил... В конце концов часов в восемь, когда уж мне ничего не оставалось, как бежать сломя голову домой, Скалли выходит на порог и говорит: «Ладно, ребята, заходите-ка в контору!» «Готовы ли вы, мистер Скалли, — говорю я, — принять наши требования?» «Да», — отвечает. «Ну, тогда звоните, парни, в союз, — командую я. — А мне уж надо бежать!»

* * *

Питу стало невтерпеж. Он подбежал к телефону, позвонил в профсоюз и принялся бушевать, и спорить, и жаловаться. Но кончилось тем, что ему пришлось выразить свое полное удовлетворение. Да, все было так, как рассказал Бергер. Он, Пит, взял свободный вечер, а стачка кончилась без него, кончилась победой!

— Значит, Скалли принял наши требования, — обратился он к Бергеру. — И подумать только: как раз, когда я был дома!..

Бергер глядел на Пита и смеялся: он был счастлив.

Тогда Пит сдержанно улыбнулся сам и сказал:

— Еще вчера Скалли говорил мне, что ни за что не пойдет на уступки!

— Вчера! — возразил Бергер. — Вчера моя жена еще не была готова... то есть еще не рожала...

— Ты еще скажешь, что толстяк пошел на попятный потому, что у него доброе сердце!..

— Нет, — сказал, словно оправдываясь, Бергер, — он пошел на мировую потому, что у него целый день не было ни одного заказчика.

Мужчины возбужденно переговаривались, словно забыв о Рози. Но нет, они говорили и для нее, пока она мыла и перетирала посуду и думала о том, какой счастливый день выдался для Бергера. И Бергеру пришлось еще и еще раз пересказывать подробности этого дня. Но вдруг он заторопился, вскочил и стал прощаться: он вспомнил, что завтра выходить на работу.

— Подумать только! — говорил Бергер, перекидывая через руку клоунский костюм. — У ребенка, — сказали мне, — рыжие волосы, в точности как у меня! И лицо такое же... словом, только матери может нравиться такое лицо...

Дверь уже закрылась за ним, но Пит и Рози услышали, как, топоча башмаками по ступенькам, он громко повторил: «Подумать только!»

Пит вздохнул и проворчал:

— Как нарочно, когда у меня свободный вечер, все и случается...

Рози всем сердцем понимала, что переживает сейчас ее профсоюзный организатор. Она провела рукой по лицу Пита, словно сгоняя лежавшую на нем тень недовольства.

— Брось дурить, — проговорил он и отвернулся.

Но тут же, увидев искорку обиды в ее голубых глазах, он придвинулся к ней и так стоял, большой, крепкий, словно вросший мускулистыми ногами в пол. В груди у него привычно теплело. «Милая, любимая!» — пронеслось в голове. Вслух же он произнес другое:

— Вот, убей меня, не пойму, чем ты недовольна... Я ведь и не говорю ничего...

— Ты зол на меня за то, что взял свободный вечер... — сказала Рози тихо.

— Да нет же, нет! Клянусь тебе...

Но тут она отвернулась и ушла от него. Пит побежал за ней вслед, ему хотелось помириться сейчас же, сию минуту.

— Послушай, — сказал он. — Право же, я рад, что взял выходной вечер... Знаешь что, я обещаю тебе: при малейшей возможности я буду вечерами бывать дома, и мы с тобой вдвоем, без телефонных звонков... Понимаешь, только ты и я...

Этой ночью Рози заснула первая, крепко обвив его шею рукой. А Пит лежал без сна, глядя в потолок. Он еще и еще раз мысленно переживал то, что произошло: выходной день, Рози, ребенок Бергера, стачка... Ему представилось, как он придет завтра в профсоюз и скажет Джо: «Эй, парень! Ты мог бы все-таки позвонить мне, когда вы пошли оформлять дело со Скалли: в этой стачке какникак, а есть и капля моего пота! Мне бы все-таки приятно было посидеть напротив Скалли, когда он подписывал условия...» А Джо ему ответит на это: «Постой-ка, Пит, мы думали, что ты уехал за город. Ты ведь сам сказал!»

Пит подумал, что Бергер прав: нелегко бывает рабочему человеку выполнить то, что он пообещает жене, даже какую-нибудь малость. Только одно обещание он может дать ей наверняка — драться за лучшую жизнь, как подобает мужчине...

...Пит совершенно искренне обещал Рози чаще бывать дома по вечерам. Но прошло целых девять месяцев, пока выпал такой случай. И снова, как нарочно, в четверг. Племянник Пита — представьте,

и у него тоже постоянно течет из носу — позвонил по телефону в профсоюз и, запыхавшись, сказал:

— Гей, Пит! Рози собирается в больницу, рожать ребенка!

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

Моя песня

Тиберий УТАН

Я пробую песню.
В ответ кавалы[1] зазвучали.
И легче поется,
Чем это казалось вначале.

И слов не ищу я,
Как тот, кто над рифмами
бьется.
А просто пою я,
Как вольному сердцу поется.

Как будто во сне,
Я мелодии слышу звучание.
А рифма приходит
Вот так, как весна
в Трансильванию,

Где в блеске зари
Вырастает завода громада,
Где холм над рекой,
Как гигантская гроздь
винограда,

Где плещет волною,
Как Черное море, пшеница,
Где мне посчастливилось
С сердцем веселым родиться.

Перевел с румынского
Николай Краснов.

[1] Свирели.

У ГРАНИЦ ТИБЕТА

Высоко в горах плещутся воды живописных озер.

Китайские студенты-медики приехали в гости к своим тибетским товарищам.

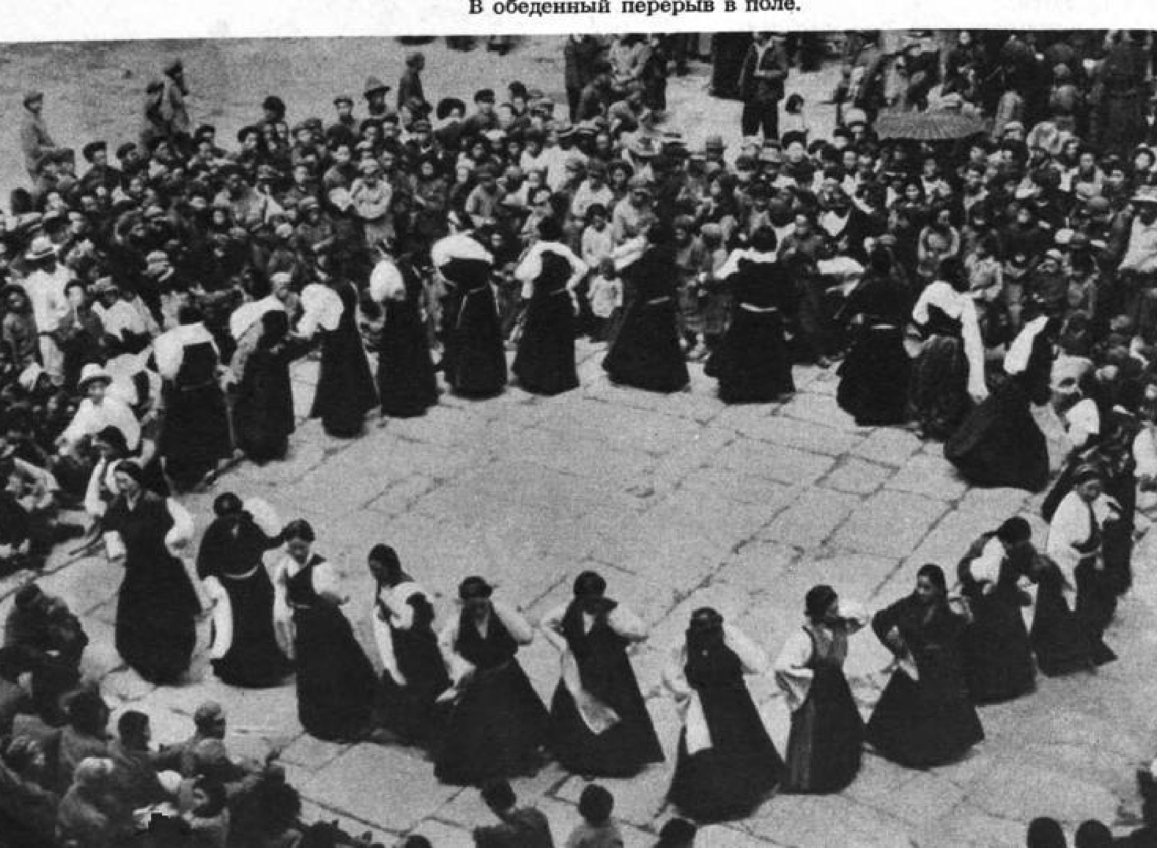
Далеко от столицы Китайской Народной Республики среди высоких гор провинции Сикан лежит Тибетский автономный национальный район. Его полумиллионное население — часть тибетского народа, три года назад освобожденного мирным путем и воссоединившегося с великим китайским народом.

Молодой национальный район за короткое время своего существования достиг заметных успехов в земледелии и скотоводстве — основных отраслях его хозяйства. С помощью Центрального народного правительства Китайской Народной Республики крестьяне-тибетцы приобрели свыше ста тысяч сельскохозяйственных машин и орудий. Они освоили большие пространства целинных земель. В помощь скотоводам района создано несколько ветеринарных станций. Быстро идет культурное строительство: сейчас здесь в два раза больше школ, чем в 1950 году. Расцветает тибетское народное искусство.

Счастливая жизнь народа Тибетского автономного национального района — яркий пример крепкой дружбы, объединяющей множество национальностей, живущих на территории великого Китая.

В обеденный перерыв в поле.

Город Ганьцзы украсился новой гостиницей.

←
После работы хорошо и потанцевать.

ПРАЗДНИЧНЫЙ НЕВСКИЙ. ЛЕНИНГРАД.

Фото И. Наровлянского.
Выставка цветной художественной фотографии.

Посмотришь вокруг —
И душа веселится:
В цветах и знаменах
Страна и столица.

Все мысли, все чувства
Собой занимая,

Идет
наше доброе
Первое Мая!

Шагает в одежде
Защитного цвета,
Поет,
в физкультурную форму
одето,

Течет половодьем
Колонн многолюдных,
Сверкает созвездьями
Знаков нагрудных,

На крыльях летит
В образцовом порядке,

Печатает шаг
По граниту брусчатки

И множит «Ура!»,
Голосов не жалея,
И взоров не сводит
С трибун Мавзолея,

И громом оркестров
Грохочет над каждым,

МОСКВА ПРАЗДНИЧНАЯ.

Фото В. Куняева.

Выставка цветной художественной фотографии.

И с гордостью думает
Каждый из граждан:

«Сегодня
Правительство
наше родное
Встречается с нами
И — лично со мною!»

Нам любо,
друг друга
без слов понимая,
Встречать всенародное
Первое Мая!

Для нас это солнце
Тепло излучает,

Для нас этот ветер
Знамена качает,

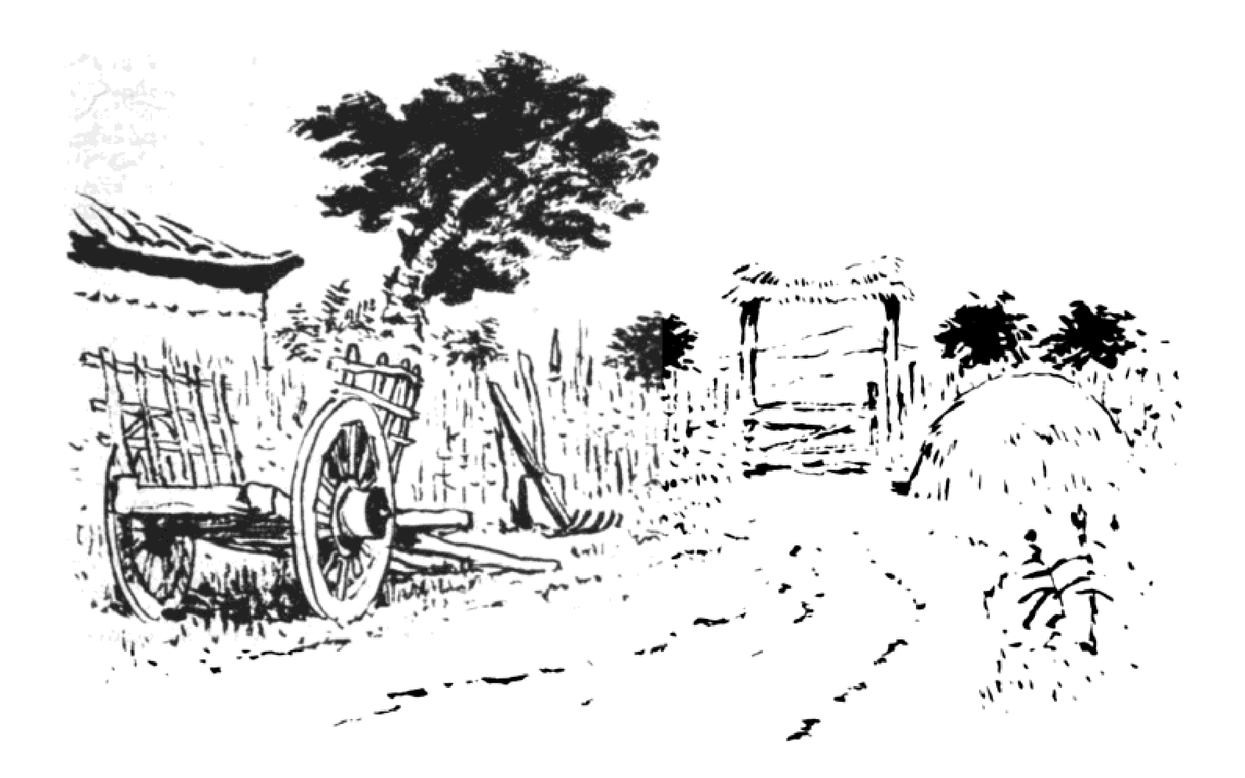
Для нас эти краски
И музыка эта
Веселья и дружбы,
Простора и света!

Сергей СМИРНОВ

ПЕРВОМАЙСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ В КИЕВЕ.

Фото Н. Козловского.

НЕЧАЯННО ПОДСЛУШАННЫЙ РАССКАЗ

ЦИНЬ ЧЖАО-ЯН

Цинь Чжао-ян — молодой китайский писатель. В последние годы его рассказы печатаются в журнале «Народная литература», в газете «Женьминьжибао» и других периодических изданиях. «Нечаянно подслушанный рассказ» взят из цикла «Сельские новеллы», повествующего о новой жизни китайской деревни.

Рисунки О. Верейского.

Иногда ранней весной в Пинюане солнце, окутанное напоенным влагой воздухом, немного тускнеет и лучи его становятся более мягкими. Небо серебристого цвета, прозрачно и безоблачно; оно заставляет человека почувствовать, что весна, время пробуждения природы, — поистине приятнейшее время года. С небосвода льются свет и влага и незаметно рассеиваются по всей земле. Еще нет палящего солнечного сияния и плотных темных туч, все растения на полях особенно свежие и чистые.

В такую погоду вся природа обновленная и ласковая; люди, вывозящие на повозках удобрения, взглянув на бескрайние поля с нежнозелеными всходами, не могут удержаться, чтобы горделиво не взмахнуть кнутом, а затем расправляют грудь и, вобрав побольше воздуха, запевают песню.

Утром в один из подобных весенних дней я с книгой в руке направлялся в сторону гумна, расположенного в южном конце деревни. В стороне от гумна находился ток, где я думал посидеть на копне и отдохнуть до полудня.

Широкая и ровная площадка тока окружена изгородью из гаоляновых стеблей; вдоль изгороди посажены персиковые деревца. Стволы деревьев, отливающие темнобордовым цветом, значительно выше человека. На нежных ветвях под серебристыми лучами солнца наливаются хрупкие коричневые почки, наполняя воздух ароматом весны.

Только я хотел открыть книгу и приступить к чтению, как за изгородью неожиданно послышался шорох легких шагов, а затем разговор и смех двух молодых женщин.

— Послушай-ка, ты так тянешь свой рассказ, что одно слово на три ли дороги хватит! — произнесла женщина с более низким голосом, вероятно, старшая.

— Ты не представляешь, как я рада, как счастлива! Ха-ха-ха!.. Ну почему ты такая серьезная? — спросила звонким голосом молодая девушка.

— Смотрю, к тебе и счастье еще не пришло, а ты уж себя от радости не помнишь!

— Что будет, счастье или несчастье,— ты не говори об этом!

— Милая ты моя, хорошая! — рассмеялась старшая.— Не говорить — так не говорить... Давай-ка отдохнем немного: я что-то устала. Здесь никого нет, и ты мне расскажешь все с начала и по порядку.

За изгородью проходила дорога, около которой была навалена копна сухой соевой соломы. Женщины присели у копны, находившейся недалеко от меня.

Опять послышался смех, затем младшая начала свой рассказ. Она говорила так оживленно и весело, речь ее лилась так легко, что это заставило меня записать содержание ее рассказа. Но моя запись не передает чувств девушки и ее своеобразной интонации.

«— Ты же знаешь, что к северу от деревни имеются наши участки. Осенью, во время жатвы, я там убирала хлеба. Там он мне и стал частенько попадаться на глаза: смотрю, какой-то человек работает на соседнем участке. Иногда мы нос к носу сталкивались и всетаки не разговаривали друг с другом. Что ты смеешься? А то я не буду рассказывать! Нет, ты подумай-ка: разве прилично разговаривать с незнакомым? Да и какая в этом нужда? В самом деле, он из деревни Бэйчжуан, а я из другой деревни, друг друга мы не знаем, да и характеры наши тоже друг другу неизвестны. Ах, да не стесняйся ты! — сказала она кому-то.

Однажды я пошла на то поле полоть кукурузу. По посевам проносился легкий ветерок, шурша кукурузными листьями, тело овевала приятная прохлада. Я оперлась на мотыгу, выпрямилась и закричала навстречу ветру: «Эгей, ветерок, эй!» И знаешь, что случилось? Парень тоже оказался здесь, выпрямился, приложил руку козырьком ко лбу и уставился на меня. Лицо мое так и охватило жаром. Я быстро отвернулась. Вот, право! А он тоже закричал: «Эгей, ветерок, эй!» Ох, не смейся!.. Ха-ха-ха, но мне тогда было не до него, я склонилась и стала полоть.

Потом как-то мне надо было ехать на уездную конференцию делегатов Новодемократического союза молодежи, а я опаздывала. Ну, ты знаешь мою мамашу: она заранее решила не отпускать меня и только выискивала какой-нибудь предлог.

— Дочка, — говорит она мне, — ты вот уедешь и, кто знает, через сколько дней вернешься. Давай натаскаем с тобой воды побольше.

Что ж, я ей натаскала воды.

А она опять:

— Под навесом у скотины горы навоза накопились, прямо безобразие. Ты бы убрала навоз-то.

Я и навоз убрала.

— Доченька,— говорит мне мать,— ты много поработала и, верно, устала. Я тебе чайку согрею, ты попьешь и отправишься.

Я и это стерпела: жду, когда она чай подогреет. Но вижу, что она еще что-то задумывает. И действительно, начала она уговаривать меня:

— Доченька, сегодня лучше бы тебе не ездить. Ты послушай, сегодня уже и время позднее, а завтра...

Я фыркнула от возмущения, ничего не ответила ей и ушла. Добравшись до уездного города, я остановилась отдохнуть под навесом у южных ворот. Там было много народу. Не успела я осмотреться по сторонам, как — что бы ты думала? — сразу увидела его! Не перебивай меня! — со смехом воскликнула девушка.— Я же не знала, что он делегат от деревни Бэйчжуан и тоже прибыл на конференцию. Я даже не знала его фамилии. Но увидеть его в такой толпе — разве не удивительно?

Он тоже заметил меня, но я сразу отвернулась и стала искать местечко, чтобы присесть, однако про себя подумала: «Он, вероятно, ударник и тоже член Новодемократического союза молодежи». В этот раз он мне почему-то особенно запомнился.

Однажды я пошла в деревню Бэйчжуан к Ван Сян-гуй купить доуфу [1]. Я принесла с собой учебник для изучения иероглифов, и мы с ней стали читать вслух. Вдруг кто-то вошел. Я взглянула на вошедшего и остолбенела. Он тоже смутился: стоит и не шевельнется, лицо его покраснело. А тут еще Сян-гуй обратилась к нему:

— Скажи-ка мне, братец, что это за иероглиф?

Он недовольно склонил голову и посмотрел:

— Это иероглиф «кан» из слова «гукан» — отруби, — пробурчал он, повернулся и вышел.

Сян-гуй, заметив его замешательство, рассмеялась. Он приходится родственником Сянгуй, член комитета сельской организации Новодемократического союза молодежи деревни Бэйчжуан, вообще парень очень культурный. Когда я о нем стала подробно расспрашивать, Сян-гуй и меня подняла насмех.

Однажды осенью я рубила кукурузные стебли на северном участке. К вечеру началась гроза, и я, не успев добраться до дому, на полпути решила спрятаться от дождя в какойто шалаш. Не успела я просунуть голову в шалаш, как опять столкнулась с ним.

«Что-то очень странно! Почему он не убежал домой, а пришел именно сюда? — подумала я. — В шалаш не входить? Но где же мне укрыться от такого ливня?»

[1] Доуфу — соевый творог.

Я стояла около шалаша, отвернувшись от входа, сердце у меня тревожно билось. А дождь лил! Небо все почернело, гром оглушающе гремел, просто страх охватил всю. Вдруг слышу робкий голос:

— Вошла бы в шалаш, а то мокнешь...

Повернулась я, смотрю, а он тоже под дождем стоит, как мокрая курица. Похоже, что немало времени он так простоял.

— Я побуду снаружи,— опять обращается он ко мне,— а ты зайди в шалаш.

— Сам ты иди в шалаш, — отвечаю я.

— Нет, ты зайди, — улыбнулся он и еще больше засмущался.

Что ж, ничего не оставалось делать, пришлось согласиться и войти внутрь шалаша. Через некоторое время и он присел у входа, повернувшись ко мне спиной. Так прошло довольно много времени; никто из нас не произнес ни слова. А ливень чем дальше, тем больше — сплошная водяная стена, и незаметно было, что скоро прекратится. «А ведь хороший он парень», — подумала я и спросила:

— Ты живешь в деревне Бэйчжуан, почему же ты прибежал сюда прятаться от дождя?

Он долго молчал, затем повернулся вполоборота ко мне и, запинаясь, смущенно пробормотал:

— Сюда... сюда ближе, чем до Бэйчжуан.

— Ох, вовсе не ближе!

Он тогда улыбнулся и заявил:

— Ближе или нет — это все равно. Захотел и пришел.

«Ого, о чем он думает, я почти догадываюсь», — мелькнула у меня мысль.

— А почему ты захотел сюда придти? — донимала я его.

— Да просто захотел, и все!

— Должна же быть какая-нибудь причина?

— Причина... это...

— Ну так что это за причина?

— Это... ты!

Когда он выпалил это, мне стало как-то неудобно, и я немного даже испугалась. Но наперекор страху я захотела до конца выяснить, настоящий ли он член Новодемократического союза молодежи или нет.

— Я? А при чем тут я?

Я все так прекрасно помню — ха-ха-ха, — как он протянул вверх руку, вытащил соломинку, пожевал ее, потом отбросил.

— Мне нужно с тобой поговорить, — произнес он наконец.

— О чем? Я же тебя не знаю.

— Неужели правда не знаешь? — спросил он.

— Правда. Я же не знаю ни твоей фамилии, ни твоего имени.

— А разве мы с тобой не встречались?

— Встречаться-то встречались, да разве это можно считать знакомством?

— А я знаю, что твоя фамилия — Чжан, а зовут тебя Сяо-юнь, — говорит он мне.

— Ну? А вот я тебя все-таки не знаю, и ты перестань говорить мне всякую ерунду. Ха-ха-ха! — засмеялась девушка и продолжала: — Я притворилась рассерженной и разговаривала с ним гордо. Он долго молчал, затем произнес:

— Что ж, раз ты не признаешь нашего знакомства, я пошел.

Он и правда встал и вышел. Сердце мое так и забилось. Я торопливо выскочила из шалаша и окликнула его:

— Товарищ Ван Фын-куй! Товарищ Ван Фынкуй!

Он остановился, молчит. Я тоже стою и тоже молчу. И стоим мы с ним молча довольно много времени. Наконец я первая решила спросить его:

— Откуда ты сюда пришел, и как это я не заметила тебя?

— Да я вон с того поля завернул сюда.

Я улыбнулась, он тоже улыбнулся. Стояли мы и улыбались друг другу.

— Ты грамотнее меня, — говорю я, — надеюсь, ты поможешь мне учиться. Ну, не сердись.

— Не очень уж я грамотный.

— Нет, я знаю, что ты грамотнее меня.

— Откуда ты знаешь, ведь ты же со мной не знакома?

— Вот, право, какой ты! Еще смеешься!

— Сяо-юнь, уже два года я хочу с тобой поговорить! Ты знаешь, я так много...

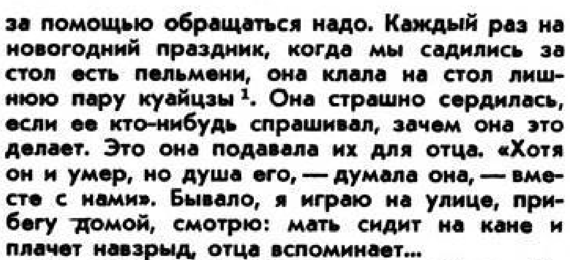
Я поняла, что он хотел сказать, мне было неудобно, и я прервала его:

— О, дождь перестает, я домой пойду!

И действительно пошла, а он даже не остановил меня. Ты не догадываешься, почему? Да не успела я пройти несколько шагов, как из-за шалаша вышла моя мать! На ней была соломенная шляпа, на плечи накинут мешок, ноги забрызганы грязью. Она насквозь промокла, лицо ее было свинцово-бледное, она опиралась на палку и дрожала от холода.

Я-то ее не испугалась, а Фын-куй скрылся в зарослях гаоляна.

— Льет такой ливень, а ты все не возвращаешься, негодная девчонка! Опозорила ты свою старую мать вконец! Убьешь ты меня!

Голос у нее перехватило, а может быть, она не решалась кричать на меня; она шла домой, тихо плача и ворча. Я не стала ее успокаивать: чем больше ее успокаиваешь, тем больше она расходится. Я просто повернулась и пошла в деревню.

Дома я сменила платье, приготовила ужин и поела. А на душе было так радостно! Вот, думаю, какой он хороший парень.

Мать вернулась домой, когда совсем стемнело. Не успела войти, как набросилась на меня с кулаками. Я схватила ее за руки, а она тогда повалилась на пол, катается по полу и кричит:

— Соседи! Люди! Дочь бьет свою мать! Небо рушится!

Ну, думаю, кричи, зови, а я все равно не боюсь! Потом я пошла и рассказала обо всем председательнице женского союза нашей деревни. Та мне и говорит:

— Сяо-юнь, лишь бы ты сама прямо стояла, а косой тени не опасайся. Если же люди сплетничать начнут, я тебя поддержу, не бойся!

— А что мне бояться? — отвечаю я. — Правда всегда чиста! Моя мать всю жизнь была задавлена феодальными предрассудками и на меня думает взвалить этот груз. Не выйдет!

Члены Новодемократического союза молодежи тоже меня поддержали:

— Борись! У нас один путь — борьба!

Ты, конечно, не знаешь, что когда отец умер, у матери остался мой брат пяти лет, да я шести месяцев от роду. Матери было всего двадцать семь лет. И до настоящего времени — вот уже восемнадцать лет — она так и осталась вдовой. Горя она хватила немало. Ты представь себе: одна с двумя детьми, работать не может, по каждому пустяку к людям за помощью обращаться надо. Каждый раз на новогодний праздник, когда мы садились за стол есть пельмени, она клала на стол лишнюю пару куайцзы [1]. Она страшно сердилась, если ее кто-нибудь спрашивал, зачем она это делает. Это она подавала их для отца. «Хотя он и умер, но душа его, — думала она, — вместе с нами». Бывало, я играю на улице, прибегу домой, смотрю: мать сидит на кане и плачет навзрыд, отца вспоминает...

Нас с братом она беззаветно любила... Но если уж проявляла недовольство нами, то суровость ее тоже была чрезмерна.

Несколько лет назад она хотела поговорить с моим братом о его женитьбе. Он ей заявил:

— Если мне невеста не понравится, жениться не буду! А не станешь считаться с моим желанием, уйду.

Матери ничего не оставалось, как разрешить ему самому выбрать жену. Он нашел себе девушку и отпраздновал свадьбу по старому обычаю.

А невестка моя — такой хороший человек! Искусная вышивальщица, хозяйственная и на поле хорошо работает; что бы она ни сделала, все людям нравится. И взгляды у нее передовые. В общем они с братом — из сотни лучшая пара. Так что бы ты думала? Мать моя сразу заметила, что жена брата не лебезит, не заискивает перед ней, а все старается только для семьи. Ну, мамаша и говорит, что как только сын женился, так сразу и мать забыл; что невестка льстивыми речами и кокетством добыла себе мужа и не проявляет почтения к старшим. Только мать услышит в соседней комнате веселый смех и разговор брата с женой, так нарочно уронит что-нибудь или загремит посудой. Как говорят, показывает на курицу, а ругает собаку... Так продолжалось до тех пор, пока брат не решил отделиться. Молодые нашли себе две комнатки и переселились. Потерпев неудачу с сыном, мать еще больше стала мной помыкать. Если я рассержу ее, так она дня по три и кан не топит. Я сама матери пищу приготовлю, и подам ей, и приласкаю, и уговариваю ее, тогда только она сменит гнев на милость: надо мне на собрание, иду на собрание; надо мне в школу, иду в школу...

О! А в этот раз, когда я вернулась из шалаша, она не легла даже спать на кан.

На следующий день я опять пошла на северный участок убирать кукурузу. Вышла за деревню, обернулась, смотрю — и мать за мной идет. Я не стала обращать на нее внимания, запела какую-то песенку и направилась прямо на участок Фын-куя. Передала ему записку, обернулась к матери, а она сидит в стороне, закрыла руками лицо и плачет.

В записке было написано:

«Фын-куй, я приняла решение и ни с чем не посчитаюсь. А ты? Жду ответа».

В тот день я с ним не говорила, только ждала следующего дня и ответа на мою записку.

Однако на другой день, когда я собралась идти в поле, дверь в комнате оказалась запертой. Мать заперла!

«Ну и запирай,— думаю,— не очень-то меня этим удивишь». И принялась я песни петь. Вспомнила все песенки, которые в детстве учила. Пела, пела, мне весело стало и смешно.

В форточку мать дает пирожки, я не ем,

[1] Куайцзы — палочки, которыми в Китае пользуются во время еды.

воду подает, не пью, а песни напеваю. Так прошло целых три дня. На четвертый день к нам пришла председательница женского союза нашей деревни. Слышу, в соседней комнате она долго рассказывала моей мамаше о феодальных предрассудках и свободе брака. Мать в слезы ударилась. А потом и замок открыла.

Вышла я, перекусила немного и побежала на северный участок. С участка Фын-куя уже давно убрали урожай, однако он сидел и ждал меня.

— Я тебя ждал три дня,— сказал он и передал мне записку.

Читаю записку, там написано: «Сяо-юнь, я тоже принял решение. Потратил много сил, чтобы домашние согласились. Ты, вероятно, тоже дома ведешь упорную борьбу».

Я вынула из-за пазухи носовой платок и подарила ему. На платке была пятиконечная звезда, которую я вышивала, пока сидела дома. Возвращаюсь домой, вхожу в комнату, а мать бросилась передо мной на колени и стала умолять:

— Доченька! Доченька! Дай ты мне пожить-то хоть немного, пощади! Позаботься хоть чуточку о своей репутации! Если свободна, это не значит, что можно ни с чем не считаться и ни на что не обращать внимания!..

Я тоже опустилась на колени и начала ее уговаривать:

— Мама! Мамочка! Ты, конечно, не из-за личной выгоды. Но всю жизнь ты мучилась, неужели и мне так же мучиться?

— Что? Я душой за тебя болела, берегла тебя, а ты говоришь, что я из-за личной выгоды?

Она вскочила и выбежала из комнаты. Но я ее удержала, обняла, и мы обе разревелись.

Я понимаю: мать рассчитывала, что в выборе мужа я сделаю, как она захочет.

С того дня я под присмотром матери встречалась с Фын-куем на северном участке три или четыре раза. Беседовали мы с ним очень задушевно. Но затем мать стала такой строгой, что в течение двух — трех месяцев совсем не разрешала мне встречаться с Фын-куем.

15 января в деревне Лунвань была ярмарка. Я захотела пойти посмотреть на представление. Мать тоже решила идти со мной. Что ж, со мной, так со мной. Пришли на ярмарку, потолкались там с полдня.

— Ты что, с ума сошла? — заворчала мать, когда я купила записную книжку в красном кожаном переплете.— Дома лежит неисписанная книжка, а ты тратишь столько денег, еще покупаешь.

— Не обращай внимания, — ответила я и потащила ее в сторону.

Там на открытой площадке был большой балаган. На дверях написано красными иероглифами: «Пропаганда закона о браке». «Может, это лекарство тебя вылечит», — подумала я и приглашаю мамашу:

— Пойдем скорее сюда, здесь будет большое представление!

Протолкались мы внутрь, смотрим, а там стены обтянуты полотном и все заклеены плакатами, просто в глазах у меня зарябило. Люди группами стоят около плакатов, а несколько пропагандистов громко объясняют все. Кроме пропагандистов, там еще были шошуды[1] и певцы, в общем шум стоял невообразимый.

Я показала матери на один плакат — на нем был изображен «малолетний муж»[2] — и начала объяснять содержание. И хотя ей было интересно слушать, но она насупилась и сделала вид, будто ей это совсем не интересно. Пошли мы послушать шошуды; он рассказывал повесть под названием «О том, как Ван Сян-цуй женился». Ее так захватил этот рассказ, что она стояла, не шелохнувшись. А потом мы смотрели представление. И когда со сцены тоже начали разъяснять закон о браке, мать полушутя, полусерьезно заворчала на меня:

— Вот паршивая девчонка! Вся Поднебесная[3] стала вашей, и везде вы толкуете о свободе!

— Свобода — это справедливость!

— Ну, свободы в твоей болтовне даже слишком много! — заявила она.

Но хоть она так и говорила, а сама вытягивала шею и прислушивалась к объяснениям. Я в душе была очень довольна.

— Мама, — говорю я ей, — я хочу закусить. Пойду куплю сахару.

А сама быстро протолкалась сквозь толпу и побежала за балаган. Ой! Вдруг, смотрю вдаль: он или не он? Белоснежная повязка на голове, а на ней что-то краснеет. Да это красная пятиконечная звездочка, такую повязку носили все участники группы самодеятельности в их деревне!

Я побежала, толкнула его в плечо и пошла впереди. Он за мной. Пришли в безлюдное местечко, он покраснел и осматривает меня с головы до ног.

— Что ты смотришь? — спрашиваю.

— Ты сегодня вся в новом, ну, право...

— Что «право»?

— Ну, право, как... невеста, — улыбнулся он.

Я тоже покраснела и не знаю, куда мне деваться. Стою, а он берет меня за рукав:

— Сяо-юнь, ты сегодня слышала объяснение закона о браке?

— Слышала, ну и что же?

— Когда мы с тобой пойдем?

— Куда пойдем?

— Что тут толковать еще? Пойдем регистрироваться.

— Если судить по моей мамаше, то нам всю жизнь придется ждать.

Я вытащила из-за пазухи записную книжечку и подарила ему. Мы еще о чем-то поговорили... Повернула я голову — ох! — а моя мать стоит неподалеку и наблюдает за нами! Я тогда нарочно прошла мимо, как будто и не вижу ее. А она схватила меня сзади за рукав и начала:

— Ах ты, бесстыдница, ах ты, негодная девчонка! Какая ловкая! На лету... Да ты...

Я улыбнулась и убежала. В один мах я уже была дома, оставив ее далеко позади.

Пришла она домой, надулась на меня, но ругать не ругала.

Вскоре в нашу деревню приехала председательница уездного комитета женского союза товарищ Чжао Юй-чжэнь проводить собрание женщин.

— Мама, в школе будет представление, пойдем посмотрим! — подъезжаю я к своей мамаше.

— Опять будут болтать про твой закон о браке! — заворчала она.— Я не пойду.

Но она все-таки пошла. Усадила я ее, сама навострила уши, стала слушать. А товарищ Чжао Юй-чжэнь так замечательно говорила, что растрогала всех слушательниц, и они прослезились.

После собрания моя мать опустила глаза и направилась домой, ни слова не сказав в пути. Дома взяла она меня за руку и говорит:

— Доченька, товарищ Чжао говорила нам о чувствах людей! Вот я и подумала... В моей жизни не было любимого человека, а горя много было. А ты с твоим братом всегда у меня в сердце, и шагу не сделаю, не подумав о вас: сын вырос — надо его женить; дочь взрослая — нужно ее замуж отдавать. Ты, доченька, говорила, что я из личной выгоды. Я совсем не из личной выгоды. Ты же знаешь, я с молодых лет овдовела. Ох, сколько горя пришлось хлебнуть, и не рассказать!.. — заплакала моя мамаша, да и я не могла удержаться. Потом она обняла меня. — Ну, иди. Приведи сюда этого мальчишку Фын-куя. Я с ним поговорю...

Представляешь, как я обрадовалась! Я бежала в деревню Бэйчжуан и пела. Вбегаю к ним во двор. Никого не вижу, ни с кем не поздоровалась. Увидела сразу Фын-куя — он навоз по двору собирал. Сердце в груди у меня так и бьется. Идем,— говорю, со мной. Он сразу же бросил свою работу:

— Что с тобой, что случилось?

Я ему не отвечаю. Вышли за деревню, он опять спрашивает, я опять ничего ему не объясняю, только хохочу во весь голос, удержаться не могу.

Подходим к дому, а мать нас в воротах встречает. Взяла Фын-куя за руки, долго рассматривала его, потом улыбнулась и говорит:

— Вырос на славу.

Потом взяла меня за руку; то на меня посмотрит, то на него:

— Дети мои, я разрешаю вам...

Видишь, какая у меня мать хорошая!

А сегодня мы с Фын-куем отправились в район и получили брачное свидетельство...

Товарищ Ван, я ничего от тебя не утаила и рассказала все подробно. Послушай — ха-ха-ха, — разве мы с ним не являемся примерными?

Да, вот еще что: сегодня моя мать попросила кого-то разыскать брата с его женой, чтобы помириться с ними и вернуть их домой».

. . . .

Потом я услыхал смех. Меня удивило, что в женские голоса вплетались раскаты низкого мужского баса.

Услышав шорох удаляющихся шагов, я быстро взобрался на копну и увидел, как по полю, покрытому ранней весенней зеленью, шли три человека. Да, да, три человека: женщина в служебной форме, с рюкзаком за плечами; она, вероятно, была из районного комитета женского союза; рядом с ней шла стройная девушка. На девушке было цветастое платье, волосы коротко острижены. За ними шагал высокий деревенский парень в новых синих штанах из хлопчатобумажной ткани. Как будто чем-то раздосадованный, он слегка склонил свою голову, повязанную белоснежным платком. Впереди на повязке, вероятно, красовалась маленькая красная звездочка.

Вид этих людей говорил о полном довольстве и счастье. И хотя они отошли уже далеко, до меня все еще доносились взрывы их звонкого, веселого смеха.

Перевел с китайского Г. РОЗАНОВ.

[1] Шошуды — рассказчик.

[2] В Китае раньше часто женили мальчиков, чтобы в хозяйстве иметь лишние рабочие руки. Понятно, что жизнь взрослой девушки была не сладкой: в чужой семье на нее обычно смотрели, как на даровую работницу.

[3] Поднебесная — Китай.

ДЕТИ РАЗНЫХ НАРОДОВ

Разноязыкие песни сплетаются на фестивале молодежи. Юность разных стран мечтает и спорит о своем завтрашнем дне на международных слетах. В различных городах, в различные дни.

Но если ты хочешь услышать, как поет, мечтает, спорит молодость разных народов, тебе вовсе не обязательно ехать на слет или пересекать континент, чтобы попасть на фестиваль. Ежедневно ты можешь слышать разноязыкий и взволнованный голос юности. Поезжай по этому адресу: Москва, Студенческая улица, дом 29, корпус 5. На дверях висят таблички с именами жильцов: «Валентин Бурчаков—СССР, Овидиу Неага—Румыния, Бела Чех — Венгрия, Иван Петков — Болгария, Ариф Гьяти — Албания».

Подобных табличек много на дверях комнат общежития Московского нефтяного института имени И. М. Губкина: там учится более трехсот студентов из стран народной демократии. Их комнаты вы узнаете по призыву на шести языках: «Не кури!» (что не мешает всем дымить нещадно). Узнаете по многоязычной симфонии голосов. Наконец, по государственным флагам, перекочевавшим сюда из института после недавнего «Вечера дружбы». Но главное, что заставит вас понять: да, вы попали именно сюда! — это атмосфера веселой и крепкой студенческой дружбы.

Фан Чжи-ин и Катя Мнушкина в театре.

Новый день принес лекции и лабораторные работы...

* * *

Двух Наташ, которых мы увидели в комитете комсомола — Манчеву и Новикову,— ребята предпочитают обычно называть Наташа Китайская и Наташа Румынская. Вероятно, без объяснений понятно, что Наташи шефствуют над китайскими и румынскими студентами, разрешая сомнения и неурядицы, помогая в институтских делах и даже ревниво храня сердечные тайны, неизбежные в возрасте и шефов и подопечных. Шефство им поручил комитет комсомола. Но десятки других советских студентов не получали таких поручений. Однако все студенты-иностранцы, попавшие в институт, сразу почувствовали товарищескую заботу.

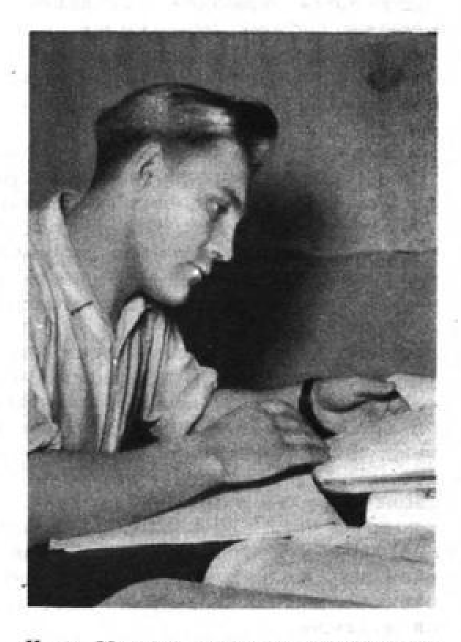
Фан Чжи-ин, сидя на лекции по химии, готова была расплакаться: ничего не получалось с записями по-русски. И в этот самый момент она услышала шепот: «Давай помогу!» — и, повернувшись, увидела девушку с круглыми бараночками светлых кос. Уже потом Чжи-ин узнала, что девушку зовут Катя Мнушкина. А через месяц Чжи-ин стали известны все подробности катиной немудреной жизни, так как подруги ближе Кати никогда не было у Чжи-ин.

Хотя Катя вскоре перешла на другой факультет, они не разлучались. Чжи-ин очень огорчалась, что у Кати пропадают каникулы из-за того, что она «торчит» (как говорили русские ребята) с ней в институте, помогая в лабораторных работах, которые не успела выполнить Чжи-ин. Но Катя сердилась на нее за эти огорчения.

Вечерами они сидели у Кати дома, когда катина мама перепечатывала для Чжи-ин лекции, и Катя «мучила» Чжи-ин, заставляя по пять раз произносить одну и ту же русскую фразу. Потом роли менялись. Катя извлекала детское лото, где на оборотной стороне девушки начертили иероглифы, и Чжи-ин превращалась в экзаменатора.

* * *

Заполночь стихают корпуса на Студенческой улице. Бетонные, опоясанные длинными полосами окон, они похожи на океанские корабли. Но притихшая жизнь продолжается. За огромным стеклом, пересекающим здание снизу доверху, видны зигзаги лестничных маршей. На последней, верхней площадке стоит какая-то бессонная пара. Она явно ищет уединения на пустынной

Иван Марушиак занят дипломным проектом.

лестнице, не подозревая, что открыта за квартал глазам прохожих... Сидит над дипломным проектом словак Иван Марушиак. И, лежа на спартанской студенческой койке, Шандор Дьери рассуждает примерно так:

«Если ты с тринадцати лет работаешь на нефтяных промыслах, ты знаешь цену трудностям. Если твой отец — старый коммунист, а ты еще юношей сражался за родину, ты знаешь цену любви и ненависти. Если ты, скажем, венгр, строил с «Бригадой дружбы» железную дорогу в Болгарии, а сестра твоя, венгерка, опекала маленьких корейцев, в глазах которых надолго поселился ужас, ты знаешь цену интернациональному братству».

Именно поэтому Шандор Дьери знает цену и тому, и другому, и третьему. Но ведь бывает, что великие чувства познаются в малом. И Шандор вдруг особенно остро ощутил прекрасное чувство братской солидарности, когда, сидя в кино (это было в первый месяц его приезда в СССР), советские товарищи изо всех сил красноречивым языком жестов пытались перевести ему русскую картину. Они шутили: «С незнакомого на непонятный...»

Так рассуждает Шандор Дьери. А вот у Ивана Марушиака сейчас нет времени для рассуждений. Дипломный проект — вообще обязывающая вещь. А у Ивана есть еще ряд обстоятельств, усугубляющих серьезность момента. Во-первых, он должен получить советский диплом, а к таким на родине Марушиака относятся с особым уважением. Во-вторых, тема дипломного проекта решена на материале родного района Ивана. Еще прошлым летом, во время практики, Марушиака предупредил чешский инженер: «Не подкачай. Сразу пустим в дело».

И, на минутку оторвавшись от работы, Иван Марушиак представляет, как сейчас первая зелень тронула склоны родных Татр. Возле дома, в тенёчке, сидит под деревом отец — старый Ян Марушиак — и беседует с соседями. Яна слушают с молчаливым уважением: как-никак, председатель сельскохозяйственного кооператива, а сын в Советском Союзе учится. Ян будто невзначай ввертывает словечко: «Парень толковый, геофизик».

Но, как мы сказали, Ивану сейчас некогда размышлять и предаваться воспоминаниям. Зато в это же время румын Василе Войня в который раз перебирает с друзьями подробности прошлого лета. Время летней практики кажется ему таким безоблачным!

...Неподалеку от Майкопа, упрятанная в заросли диких груш и яблонь, за висячим неверным мостиком, притаилась станица, где жили юные нефтяники. Каждое утро по дальним балкам расходились группы, а звон гальки и бормотанье ручьев сулили им открытия и приключения. «Открытия» действительно были. Не говоря уж о том, что студенты нашли выходы нужных пород, одна из групп обнаружила отпечаток ископаемой рыбы. Честь «открытия» принадлежала двум неутомимым албанцам — Кочо Пляку и Бекиру Америко. Но главное открытие, которое сделал для себя Василе Войня, заключалось в том, что в институте его самого и других студентов научили неутомимости изыскателей. Их научили мыслить научно и не бояться трудностей. Последнее обстоятельство с успехом подтвердилось, когда во время разлива реки избиваемые градом ребята, не потеряв оптимизма, пытались спрятаться под качающимся мостом.

Китаец Бо Жун даже хотел сфотографировать эпизод этой «героической эпопеи». К сожалению, стихия оказалась сильнее фотографического мастерства Бо Жуна.

Заговорив о практике, Василе непременно перейдет к летнему туристскому походу. И снова будет помянут и ленинский шалаш в Разливе, и шторм на озере, и вороха цветов, которыми засыпали студентов жители поселка Репино...

...Затихает дом-корабль на Студенческой. Только первокурсник немец Франк Вегерт последний раз перечитывает лекции, записанные пока на родном языке.

Затихает жизнь, чтобы утром снова зашуметь в аудиториях.

Новый день принесет лекции и лабораторные работы, негодования и иронические возгласы у стенной газеты, где есть корреспонденции и студентов-иностранцев, репетиции с разноязыкими песнями.

И где-нибудь на лестнице или в институтском коридоре послышится голос с легким акцентом, поющий сложенную кем-то песню:

Приехав домой, расскажите
О наших советских дружках,
О спорах ночных в общежитье,
О песнях на всех языках...

Галина **ШЕРГОВА**

Фото **О. КНОРРИНГА.**

Как поется в песне, «у нас в общежитии — свадьба»... Да еще интернациональная!

Очередная «баталия» в комнате № 154.

По случаю субботы Василе Войня и Наташа Манчева (крайние слева) танцевали прямо в коридоре общежития.

РАСКОЛДОВАННЫЙ САД

Рассказ

Мария **МАЙЕРОВА**

Рисунки А. Кокорина.

Над мечтателями нередко подсмеиваются: «Он по карте пальцем путешествует!» Но насмешники не правы. Путешествие — пусть даже по карте! — доставляет радость человеку с фантазией. Тот, кто однажды проехал от Врутки до Попрада, прошел по песчаному лабиринту Чешского рая, проплыл по Дунаю до Комарно или же по Дунайцу к польским границам, тот с величайшим наслаждением водит пальцем по черным и голубым извилинам географической карты, по оттененным коричневой краской расплывчатым пятнам, обозначающим горы и возвышенности, где на самом темном месте красуется бледноголубая точка ледника или стоят цифры, указывающие на головокружительную высоту.

Иное дело — разбираться в поземельных планах. Даже самое это название отдает чем-то канцелярским, каким-то мошенничеством. Раньше поземельные планы интересовали разве что посредников по купле-продаже недвижимого имущества или наследников, имеющих дело с нотариусом, да адвоката, ведущего тяжбы из-за земли.

Нынче, когда многое так изменилось, над этими чертежами, густо усеянными цифрами, склоняются головы граждан и гражданок — представителей народной власти. Они полны нетерпеливого ожидания открытий. Многие пустующие земельные участки заметны даже и простому прохожему, если он проявит хоть чуточку любопытства и попытается узнать, что скрывается за той или иной замшелой оградой и куда ведут ворота с висячим замком, намертво скованным ржавчиной. Но некоторые места запрятались так, что их нужно разыскивать на поземельных планах, открывать их, как старинные мореплаватели открывали никому не известные острова там, где на карте были белые пятна.

Представители народа знают, что они не найдут ничего нового. Зато они натыкаются на забытое. Так бубенечским активистам удалось открыть и сделать общественным достоянием заброшенный склад большой транспортной конторы, где десятки лет были погребены разбитые экипажи, негодные доски и обломки грузовиков. Весь этот хлам убрали, уничтожили полчища крыс, вырубили кустарник. Теперь там на выровненной площадке копошатся в песке и катают обручи на лужайке малыши из детских яслей, а на нижней, хорошо вскопанной половине участка будут хозяйничать мичуринцы — учащиеся средней школы.

Эта удача не давала покоя дейвицким активистам. Уже не один пустырь удалось им превратить, словно по волшебству, в зеленый газон, выгрести многолетние залежи черепков в жилых кварталах, но найти что-нибудь необыкновенное, на что стоило бы потратить усилия, открыть неведомый, забытый островок, который можно было бы превратить в райский сад, все еще не удавалось.

Поэтому сейчас несколько голов склонилось над планом района, известного под названием Ганспаулька. В давно прошедшие времена какой-то Ганс Пауль построил на склоне холма за Прагой виллу для своей возлюбленной, а сейчас по его имени называют целый квартал. Что поделаешь, такова сила привычки! Да и не в этом дело. Главное, чтобы дети получили место для игр. Трое мужчин и одна женщина остановились наконец на прямоугольнике, который их заинтересовал; на нем были нанесены условные знаки, обозначающие деревья. Все четверо гадали, что же это за сад. Никто из них не знал о нем и никто даже не помнил, чтобы в этом уголке был какой-нибудь сад. В конце концов заведующая социально-бытовым отделом обратилась к местному старожилу, посыльному Антонину Бальвану, занимавшемуся в соседней комнате, куда были открыты двери, раскладыванием циркуляров в конверты.

Не воображайте, пожалуйста, что этот Бальван[1] был каким-то великаном! Нет, посыльный был маленький, щупленький; лицо у него все изрезано морщинами; пальцы тонкие, цыплячьи. Он устроился работать в ратуше много лет назад по протекции какого-то дядюшки, который сжалился над сыном вдовы. Тихий подросток, взятый на побегушки, превратился со временем в канцелярского служителя и тем самым достиг своей жизненной цели. И жену он взял себе такую же невзрачную, хилую — она даже и детей иметь не могла, — и так покорно плыл по течению глубокой реки сорока минувших лет. Над ним гремели войны, государства меняли границы, в Германии горел рейхстаг, Гитлер выходил на балкон в Граде, жители Праги строили баррикады, и кони советских солдат паслись на склонах Шарки[2]. Но посыльный Антонин Бальван жил все в той же подвальной однокомнатной квартире без кухни, привыкнув к мелким неудобствам, и великие потрясения миновали ее. Он принимал мир таким, каким тот становился по мере изменения, и слушал в трактире по субботам за кружкой пива людские толки. Днем старик, разумеется, постоянно имел дело с жителями квартала. На взрывы негодования он отвечал молчанием и похвал событиям почти не слышал; да, вероятно, и сам не стал бы их прославлять.

Почему? Да потому, что никогда в жизни не высказывал собственного мнения. Его пассивное, подчиненное положение не позволяло этого; чувства в его душе всегда только тлели, никогда не вспыхивая ярким пламенем. Сейчас, когда в ратуше произошли такие захватывающие дух перемены и старое начальство неожиданно сменилось новым, Тоник смотрел на него глазами постороннего человека и с привычным равнодушием выполнял ежедневную работу. Он ступал осторожно, медленно переставляя свои натруженные ноги, уставшие от ходьбы по мостовой и по бесчисленным лестницам.

Новое начальство, склонившееся над планом земельных владений, не возбуждало в Тонике особого любопытства. Председатель национального комитета и двое других нисколько не напоминали по внешности лощеных начальников первой республики, в которых с первого взгляда можно было угадать чиновников и важных господ. Те были настоящим начальством... А эти имели вид людей физического труда, надевших праздничные костюмы. Тоник одним ухом прислушивался к их беседе, понимая, что он не дождется от этих людей никаких сюрпризов.

Поэтому он вздрогнул, когда заведующая социально-бытовым отделом обратилась к нему и, подозвав к столу, сказала:

— Ну-ка, Тоничек, посмотрите сюда! Видите, вот тут заштрихован прудик со старой вербой у бывшего приходского дома, а рядом — какой-то большущий сад. Вы о нем ничего не знаете?

Польщенный Бальван склонился над планом, указал пальчиком на главную в районе улицу, которая переходила в небольшую площадь как раз у того места, где на плане был очерчен прямоугольник предполагаемого сада.

«Тоничек» — это было по-старому; здесь, в «городе», его все знали только под этим именем. Но было и нечто новое: его позвали, с ним советовались, хотели знать его мнение. Ведь встречи Тоничка с начальниками, если не считать служебных обязанностей, до сих пор ограничивались тем, что он приносил им ветчину и сигареты.

Он поднял глаза от карты и посмотрел на заведующую социально-бытовым отделом. И даже заморгал — таким ослепительным показался ему ее взгляд, столько мыслей и чувств он выражал! И этот лучистый взгляд растопил в сердце старика все безразличие.

Заведующая сказала:

— Знаете, теперь мы обязаны позаботиться обо всех детях: они наши. Мы должны пере-

[1] Бальван — по-чешски значит глыба, скала.

[2] Долина под Прагой.

вернуть мир, чтобы он был обращен лицом к ним.

Эти слова прозвучали для Бальвана серебряным звоном. Они пролились в его душу, как освежающая роса, коснулись его сердца, как волшебный цветок, отмыкающий клады.

И он заговорил, этот бессловесный раньше слуга, рассыльный, инвентарь канцелярии, нежданно-негаданно приглашенный участвовать в работе на пользу города.

— Этот сад я знаю. Сколько лет хожу мимо, а мне и в голову никогда не приходило, что он нужен для чего-то, может на что-то пригодиться. Сад-то ведь частный!..

Взгляд Тоничка в это время блуждал по лицам членов национального комитета. Мужчины в ответ слегка улыбнулись, и рассыльный понял, что его доводу почему-то не придали серьезного значения. Ему вспомнились слышанные в пивной разговоры о том, что коммунисты — а эти новые начальники почти все коммунисты — против частной собственности и стремятся все национализировать. С этой мыслью в голове он продолжал рассказывать:

— Когда-то был это огромный сад, но за ним никто не ухаживал. Не знаю, бывает ли там кто-нибудь; он всегда на замке. Иной раз можно увидеть хозяйку, этакую старую сердитую пани; она такая неприступная. Она живет этим садом: распродает его по частям. Добывает себе на пропитание, и горя ей мало.

Тоничек произносит эту фразу и сам удивляется, откуда что у него берется. И опять чувствует на себе сияющий взгляд заведующей социально-бытовым отделом. Та спрашивает:

— А не знаете вы, откуда у нее этот сад?

— Знаю, как не знать, еще бы! Мне часто отец рассказывал об одном ученом — Кодиме. Наверно, и вы когда-нибудь это имя слышали, хотя лет сто прошло с тех пор, как этот лекарь, любитель природы, посадил сад. Тут он делал разные опыты с травами, с пчелами и тому подобное. Наверно, росли там и хорошие яблони, а сейчас чем дальше, тем гуще зарастает сад бесплодной чащей, насколько можно увидеть из соседних старинных садиков.

— Знаете, Тоничек, мы выясним все насчет этого сада, — решает заведующая социально-бытовым отделом.

И Тоничек соглашается с ней. Тоничек вдруг понимает — его словно озарило, — что такой участок пустовать никак не может. Ведь детей подстерегает на улице столько опасностей: и троллейбусы, и грузовики, и грязные мусорные кучи.

— Конечно, — поддакивает Бальван и, взяв предписание районного национального комитета, отправляется к двухэтажному домику, преграждающему вход в сад, забота о котором вдруг сделалась каким-то личным делом старика.

Он обмотал шею шарфом, потому что весенний ветер крутит уличный мусор на углах и безжалостно пронизывает прохожих. Ветер раскачивает деревья за забором, и они шумят, словно приветствуя вестника предстоящих перемен.

В домике стоит мертвая тишина. Бальван изо всех сил, ревностно выполняя свои служебные обязанности, дергает ручку старого звонка, и тот долго откликается жалобным дребезжанием. Бальван стучит кулачком в ворота и снова дергает звонок. Прохожие останавливаются, прибегает несколько мальчиков с обручами.

— Не нашли вы себе другого места для игры, — негодует Бальван. — Тут троллейбусы из-за угла выезжают!

— А куда же нам деваться? — смеется один мальчуган побойчее. — Видите, замок на калитке!

Бальван спохватывается и снова дергает звонок. Наконец на втором этаже открывается окно, из него выглядывает старуха и, кутаясь в шерстяной платок, шипит:

— Что там еще?

И прячется.

— По служебному делу! — кричит Бальван. — Откройте!

Тощая, жилистая рука спускает на веревке мешочек. Бальван сразу же догадывается, что в него нужно положить письмо. Потом, потоптавшись, он кричит, подняв голову вверх:

— Придет комиссия.

Он прячет улыбку в жиденьких усиках, думая, что нагнал страху на бабку. Но дряхлая старушенция вдруг высовывает острый нос и осыпает Бальвана градом ругательств.

Спектакль для больших и маленьких!

— Знаем мы ее! — восклицают соседи. — Не обращайте внимания.

Испугавшийся было Тоничек больше не придает значения тому, что кричит старуха, наоборот, он даже чувствует, что будет отомщен.

И действительно. Он добивается разрешения пойти с комиссией в сад. И вот он ходит и осматривает его.

Бальвана не удивили шесть комнат старухи, набитых всевозможным хламом, — чудачка уверяла по поводу каждого ящика для угля, что это драгоценная семейная реликвия, — но вид запущенного сада привел его в содрогание.

Тоничек, который нежно ухаживал за кустиком помидора, посаженным в горшке за окном подвальной квартиры, увидел непроходимые заросли бесплодной и никому не нужной чащи. У грязной помойной ямы высилась куча золы и всевозможных отбросов: квартиранты годами выкидывали сюда шлак и разный хлам, потому что старуха отказывалась платить за урны для мусора. Мох глушил траву на полянке, изрытой кротами.

— Какой грех! Какая жалость! — сокрушался Тоничек Бальван, следуя по пятам за комиссией.

Пришедший с комиссией садовник постукивал по мертвым яблоням обушком своего топорика.

— Это отсюда вон, это тоже и это! Смородина совсем одичала. Она отнимает питание у здоровых деревьев, которые еще уцелели. И ее вон!

— Вон! — повторяет Тоничек, и его бледные щеки розовеют.

Он вдруг ощущает такую силу в руках, что готов одним махом вырвать куст из земли.

— Сухие деревья нужно выкопать и сжечь, — учит садовник комиссию, — они опасны для всех садов в районе.

Он отрывает кусок трухлявой коры. Под ней кучка жучков, которые бросаются врассыпную, спасаясь от опасности.

Садовник ходит от дерева к дереву, районная комиссия — за ним. Он касается пальцем паутинки и плесени, притаившейся в щелях растрескавшихся пней.

— Все это зараза. Просто чудо, что все сады в округе не заболели. А вот тут есть и короед... — останавливается садовник у засыхающих хвойных деревьев. — Все вырубить и в огонь!..

— В огонь! — беззвучно повторяет тонкими губами посыльный Бальван.

Комиссия остановилась в центре сада.

— Работы здесь по горло! — говорит садовник в заключение своего осмотра и обводит вокруг себя рукой, которая держит пилку.

Тоничек следует взглядом за его рукой. С места, где все остановились, хорошо видно, как велик сад, настолько велик, что кое-где даже и забора не разглядеть. Чистая синева ясного неба льется на заросли, не расчищавшиеся столько лет.

Тоничек посмотрел вокруг и глубоко вздохнул. Он наслаждался безграничным простором. А главное, его радовало сознание, что и он, обитатель подвальной каморки, расхаживает здесь как хозяин, от мнения которого зависит судьба сада.

— Но кто же все сделает? — спросил председатель национального комитета.

— У районного национального комитета нет средств, — поспешил добавить осторожный бухгалтер.

Все вздыхают, глядя на деревья, которые своими узловатыми, кривыми ветвями напоминают почерневшие колонии кораллов.

Новые чувства в душе Бальвана как бы породили новый химический элемент, готовый со взрывом вырваться наружу.

— Мы, служащие комитета, организуем добровольческую бригаду! — громко говорит посыльный Бальван, не узнавая своего собственного голоса.

Все обернулись в его сторону. Тоничек смутился и заколебался. Не лучше ли было помолчать? Может быть, это неприлично, что посыльный вносит какие-то предложения? Не сказал ли он глупость? Ведь он не состоит ни в какой политической партии и, может быть, не имеет права говорить?

В растерянности он бросился искать защиты у женщины, у которой такое просветленное лицо. Его взгляд встречает ободряющую улыбку, сопровождаемую словами:

— Что верно, то верно, пан Бальван! В бригаду войдут не только служащие, но и весь национальный комитет. Покажем, что мы можем сделать! Поправим все, что частная собственность испортила в трудах известного естествоиспытателя, да будет ему земля пухом!

— Как же не быть земле пухом, если вы ее вскопаете! — засмеялся садовник.

Мучительное чувство самоуничижения оставило Тоничка, он даже стал как-то выше ростом, когда председатель сказал:

— Разрешите, пан Бальван, дополнить ваше предложение. Мы привлечем общественность, приведем сад в порядок, устроим здесь детскую площадку. Это будет наш дар съезду коммунистической партии.

Погода как будто хотела стать членом бригады добровольцев: в следующую субботу весна пела во весь голос. В заколдованном саду собрались сотрудники районного национального комитета: служащие, машинистки, посыльные, дворники. Привезли пилки, топоры, мотыги, лопаты, грабли.

Слежавшаяся почва оживала, словно пробуждаясь от векового заклятия. Кучи срезанных сухих веток росли. Вскопанная земля начала благоухать.

Днем в субботу Тоничек выкапывал кусты, утром в воскресенье ему не спалось от нетерпеливого ожидания. До полудня он трудился вместе с мускулистыми молодыми людьми, а

днем свел дружбу с девушками, разрыхлявшими железными граблями кочковатые лужайки и работавшими в старых перчатках, чтобы предохранить от мозолей нежные пальцы, привыкшие к пишущей машинке. На ладонях Тоничка выскочили волдыри, но он не сдался. Ведь осуществилась его мысль, мысль Антонина Бальвана, которого никто никогда не замечал... Да и были ли у него мысли? Он, может быть, впервые оценивал свой жизненный путь: ему казалось, что он шел между двумя высокими стенами, без оглядки на прошлое, без каких-либо перспектив в будущем. Собственно говоря, он жил, изо дня в день подчиняясь чужой воле. Теперь ему подумалось, что он героически прыгнул выше этих стен и окинул взглядом весь мир. Это выпрямило ему спину, расширило грудную клетку, придало силы рукам. К вечеру он был не в силах держать мотыгу в руках, но ведь ему пришлось приналечь и на грабли!

Усталость он, однако, почувствовал лишь на другой день. Спину ломило, мускулы болели! Наверно, он даже не сможет поднять лопату.

Но за неделю боль незаметно прошла, и в следующую субботу Бальван приступил к работе в саду с прежним пылом, усиленный ток крови освежил его тело, успех прибавил бодрости. Теперь работать в бригаде пришли и жены служащих, а матери с грудными младенцами уселись на пеньках, чтобы хоть поглядеть на работающих. Им уже виделась будущая детская площадка, когда они смотрели, как мерно движутся ручки садовых инструментов.

Вечером работа была закончена. Все громко обсуждали события дня и строили планы на будущее. Инструменты увезли, все разошлись по домам. Только Тоничек Бальван, сидя на срубленном дереве, мечтал. Его мысли разбегались в беспредельности, и впервые за свою жизнь он увидел перед собой далекие перспективы. Ему больше не казалось, что он идет между двумя высокими стенами; перед ним вдруг открылись просторы и светлое будущее, о котором говорил взгляд заведующей социально-бытовым отделом. Тоничек мечтал, даже не подозревая, что мечтает: ведь ему было почти незнакомо это благотворное, освежающее душевное опьянение! Но он мечтал, потому что вместо срубленного дерева ему представлялась садовая скамейка, а вместо вскопанной земли с кучами хвороста — возрожденный, расчищенный сад, снежная метель лепестков, падающих с цветущих веток, свежий зеленый луг, толпа красивых, здоровых детей на площадке; он видел и себя рядом со своей хворой женой, которую он будет приводить сюда посидеть и отдохнуть. И даже... разве не обнимает он мысленно ее худые плечи, привыкшие к одинокому подвалу? Разве не смотрит он с ней на детскую возню, которая радует их, как будто это резвятся их собственные дети?

По саду протяжно разносится:

— Запира-е-е-ем!

Тоничек Бальван пробуждается от мечтаний. Что это такое с ним происходит? Что-то совсем необычное. Ведь он ничего не пил, от чего же может закружиться голова? Старик медлит еще некоторое время, прежде чем ему удается понять, что он в саду, с которого помогал снять чары. Но он все еще не возьмет в толк, что с ним делается.

У самых ворот он видит заведующую социально-бытовым отделом, которая поджидает запоздавшего старика, чтобы запереть сад, и ее лицо, выражающее твердую уверенность в победе нового порядка, веру в торжество справедливости, помогает ему уяснить то, что смутно его беспокоило и смущало. Тоничек Бальван вдруг понимает, что он дожил до того времени, когда переворачивается весь мир, когда все меняется и поземельные планы из опоры сутяжничества и споров из-за наследства становятся пособием для строителей нового мира.

Тоничек Бальван так взволнован, что чувствует необходимость еще некоторое время побыть в одиночестве и разобраться в новых ощущениях, которые обрушились на него и потрясли душу.

Заложив руки за спину, он идет по улицам Ганспаульки, этого удивительно контрастного пражского квартала.

Он проходит мимо домиков, построенных на скорую руку во время первой республики спекулянтами-строителями, мимо домов, возведенных крупными коммерсантами, оборудованных по последнему слову техники и носящих явные следы архитектурных экспериментов. Тоничек проходит мимо домов, принадлежащих чиновникам бывшего строительного управления города Праги, которые вкладывали в эти каменные денежные сундуки ценности, по дешевке полученные у городских поставщиков: латунные водосточные трубы, ограды из булыжника для мостовой, туфовую облицовку и гравированное оконное стекло. Тоничек встречает офицеров, служивших в армии бывшей республики и приученных защищать частную собственность и крупный капитал.

Он видит результаты работы, проделанной и законченной здешними коммунистами сразу же после февральской победы рабочего класса,— отремонтированные улицы. Это был сизифов труд. Едва успевали привести улицу в порядок на одном конце, как на другом жители иной раз даже и со злым умыслом нагромождали новые груды мусора: ржавые консервные банки, щебень, выброшенный из садиков, битые бутылки, прогоревшие плиты, треснувшие унитазы, подставки для умывальников и нивесть какие отбросы неизвестного происхождения. По только что засеянным газонам то там, то здесь самовольно протаптывали тропинки и где попало бросали трамвайные билеты и обертки от сигарет и мороженого.

Раньше Бальван равнодушно проходил мимо всех этих беспорядков. Сейчас он вдруг рассердился и готов был поколотить кого попало. Он невольно сжал кулачки. Ему хотелось успокоиться, чтобы продолжать свои размышления, — он начинал находить удовольствие в этом занятии. Он вышел на пешеходную дорожку, пересекающую лесистый склон над Шаркой.

Из долины вместе с весенним туманом надвигались сумерки. На старика повеяло ласковым теплым ветерком. Бальван снял шапку с галуном и опять, как прежде в заколдованном саду, глубоко вздохнул. Ему дышалось легко, он по-новому ощущал радость бытия, — ведь в его душе родилось сознание собственного достоинства,— и он гордо поднял голову.

Над склоном, крутой выемкой спускающимся к долине, играли в войну три подростка. Бальван в задумчивости не обращал внимания на воинственные крики, на выстрелы из воображаемых окопов, на крадущихся ползком мальчишек, атаки, борьбу, победоносный клич.

— Господа, — важно произнес голос одного из мальчиков, — я первый иду стрелять по коммунарам сразу же после ракеты!

— Как бы не так, первый! Все пойдем, а я беру на себя команду, — запищал другой мальчишка.

Думы Тоничка Бальвана внезапно оборвались. Невзрачный рассыльный вдруг снова ощутил в руках небывалую силу. Он схватил одного мальчишку за воротник.

— Ты первым пойдешь на коммунаров? Как же это так? Кто вас поведет? Где у вас оружие?

Ломающийся голос «противника коммунистов» вздрагивает, потому что Бальван изо всех сил трясет его.

— Не я пойду, а папа. Вам-то какое дело?

Бальван несколько отстраняет от себя вырывающегося «солдата» и узнает в его испуганно улыбающемся лице знакомый портрет тайного сторонника первой республики. Старик вспыхивает от гнева, еще секунда — и он ударит «героя», которого он крепко держит, в то время как двое других исчезли в кустах. Но гнев Бальвана умеряет фраза, недавно сказанная заведующей социально-бытовым отделом и прозвучавшая таким откровением для Тоничка, так воспламенившая его сердце: «Мы должны перевернуть мир, чтобы он был обращен лицом к детям, потому что теперь все они наши!»

«И даже эти?» — робко протестует в душе Бальван и встряхивает мальчишку. И вдруг отвечает сам себе: «Все! У нас ведь достаточно сил, чтобы перевернуть весь мир».

В эту минуту раздумья парнишка заметил галун на шапке члена районной бригады и злорадно восклицает:

— Погодите, колдунья вас еще из сада выгонит, вот только приведете его в порядок!

При этих словах гнев Тоничка внезапно погас, как и вспыхнул. Старый посыльный почувствовал, что в нем поднимается незнакомая сила, подавляющая гнев, и он не может сдержать улыбку, возникшую из уверенности в прочности всего того, что произошло с садом, старой чудачкой, с окружающим миром. Тоничек выпрямился, громко, безудержно рассмеялся и величественным жестом выпустил воротник мальчишки. Подросток кинулся прочь. Удивленно, ничего не понимая, он посмотрел из засады на старика. Ведь член районной добровольческой бригады и переродившийся гражданин так внезапно перешел от гнева к смеху, что просто не верилось! Старик неудержимо смеялся, смеялся до слез.

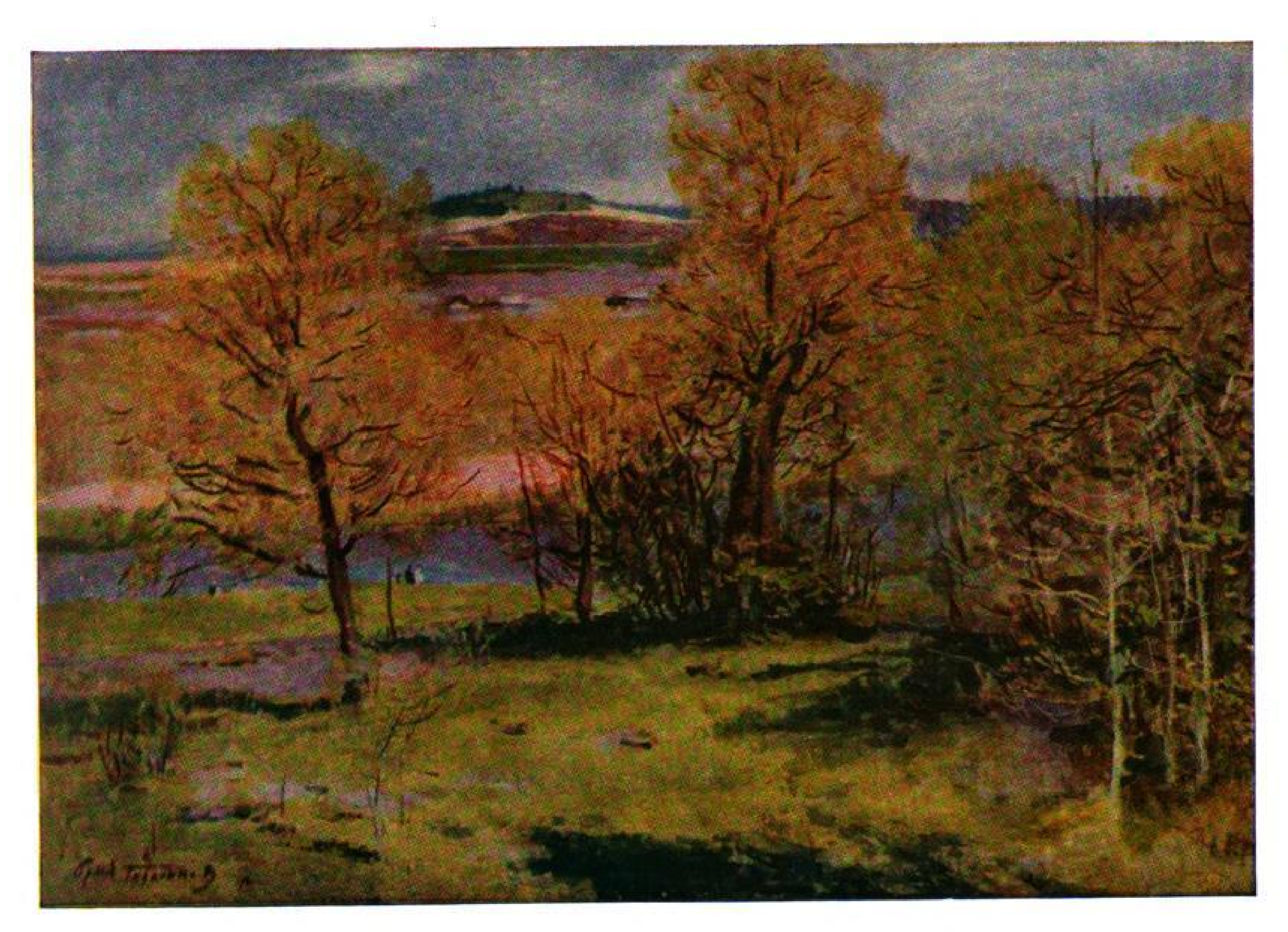
Сыновья из «порядочных семейств» растерянно постояли, не понимая, откуда взялась сила в стариковских руках, которые трясли одного из них, и чем так рассмешили старика их замыслы против коммунистов, снявших чары со старинного сада.

Непонятное пугает. Мальчишки растерянно повернулись, присели на корточки у края склона и быстро съехали по прошлогодней траве вниз, где они чувствовали себя в безопасности.

Перевела с чешского
В. ЧЕШИХИНА.

Г. М. Шегаль. ПОРТРЕТ АН СОН ХИ. 1953 год.

С. В. Герасимов. ЦВЕТУЩИЕ ДЕРЕВЬЯ. 1953 год.

С. В. Герасимов. МАЙ. 1953 год.

ТРИ друга

Борис ЧИРКОВ

«Верные друзья». Нестратов — В. Меркурьев, Чижов — Б. Чирков, Лапин — А. Борисов.

Хороша Ока вблизи Тарусы. Густые рощи то подходят к самой воде, то убегают за невысокие холмы. Широко раскинулись ярко-зеленые луга. Иногда песчаный или каменистый островок разделит спокойно текущую реку. Вода пожурчит недовольно, а через несколько десятков метров снова соединяются оба рукава, и опять неторопливо течет Ока среди ласковых берегов.

Не часто услышишь здесь пароходный гудок или шум катера. Бесшумно скользит рыбачий челнок, или, поскрипывая уключинами, переправляются на другой берег немногочисленные пассажиры.

Тихо, покойно на реке. Тем любопытнее было для местных жителей появление маленького, но хорошо снаряженного плота. Интересно было и то, что плот уплывал по утрам, а вечером снова возвращался к своей пристани. Необычным было и то, что плот постоянно сопровождали небольшой буксирчик и несколько лодок.

Трое обитателей этого плота жили какой-то странной, сосредоточенной жизнью, не обращая внимания на всеобщее любопытство. Жгли костер, что-то пели, удили рыбу, о чем-то ожесточенно спорили...

Это были мы, трое актеров, герои будущего фильма «Верные друзья» [1], съемки которого и привлекли внимание местных жителей.

[1] Новый художественный фильм. Постановка М. Калатозова. Сценарий А. Галича, К. Исаева. Оператор М. Магидсон. Художник А. Пархоменко. Композитор Т. Хренников.

В конце августа испортилась погода. Небо затянули серые тучи, с утра до вечера моросил дождик... Осторожно, по бревнышку, наш плот был разобран, уложен на машины и отправлен в сухопутное путешествие к берегам Азовского моря. На юге, где солнце еще ярко светило, где лето продолжало успешно бороться с осенью, в чудесном городе Ростове, наш самодельный корабль снова пустился в плаванье, но теперь уже по широкому Дону.

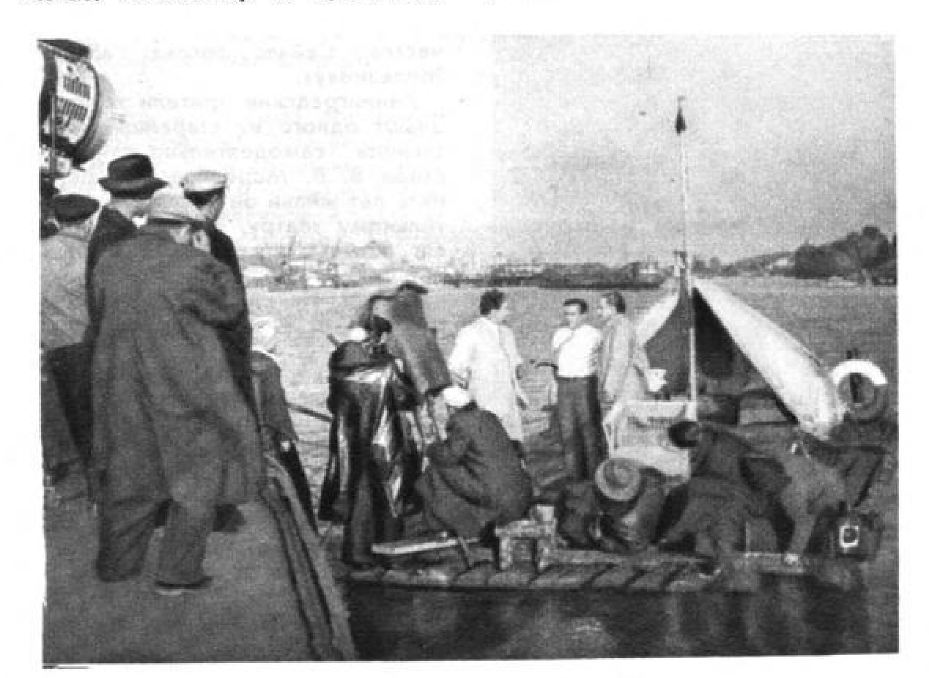
И снова толпы зрителей приходили следить за работой актеров. Сотни людей откликнулись на объявление, которое вывесила наша администрация: «Желающие принять участие в массовых съемках фильма, записывайтесь! Плата — тридцать рублей в день!»

Многие, очень многие записывались, а некоторые потом, не разобравшись, тревожно спрашивали у наших товарищей: «Почему с меня не получают деньги за съемку?.. Может быть, я не подхожу?..»

Нет, нам все подходили, подходили своим искренним, горячим стремлением помочь созданию нового фильма.

Это внимание советских людей к нашей работе, их желание скорее увидеть новый фильм на экране и, увы, большая задолженность кинематографии перед народом заставляли нас трудиться быстрее и лучше.

А что значит — лучше? Месяцы работы на глазах у зрителей и вместе со зрителями показали нам: лучше — это когда правдиво показаны люди, отношения между ними.

На съемках фильма «Верные друзья».
Фото В. Трохачева.

И мы всячески старались отойти от въевшихся в практику кино лакировки, подкрашивания действительности.

Сколько раз мы останавливали репетиции и даже съемки, недовольные своей работой и друг другом, недовольные тем, что не можем найти правильного решения какой-нибудь сцены!

Режиссер, авторы, исполнители не раз горячо спорили между собою, резко критиковали друг друга за «театральность», за наигрывание, за условность трактовки какого-то образа... Но зато с какой радостью общими усилиями находили мы верное решение! В этих спорах складывалось единство наших устремлений, приемов работы — то, что называется творческим ансамблем.

Начиная от рабочего, самоотверженного стража и попечителя нашего плота, и кончая оператором и режиссером все мы любили нашу будущую картину. Любили за то, что рискнули ставить ее вопреки резкому осуждению взятой нами темы, любили за то, что работа шла не по проторенным дорожкам. Некоторые недоверчивые критики настойчиво пытались убедить нас в порочности основного сценарного положения: «Зачем почтенные люди должны ехать на плоту?.. Этого не может быть! Для отдыха у нас построены хорошие пароходы! Ваши герои — люди солидные, обеспеченные, если уж это нужно, пусть они прокатятся в удобной, комфортабельной каюте!..»

Но для нас это были аргументы Нестратова, одного из героев будущего фильма, которого мы собирались проучить за самодовольство и барство, «макнуть» в воду, как в детстве. Подобные возражения только убеждали нас в правильности наших позиций: нестратовы в жизни есть, и «макать» их необходимо. Из чисто товарищеских чувств!

Мы были твердо убеждены, что и зрителям, да и нам самим нужна комедия. И опять от нас требовали: раз комедия, то, поскольку она должна быть смешной, ищите смешное в поведении героев, в актерском исполнении. Надо, дескать, особо выделять, подчеркивать смешные положения, слова, действия... Но и с этим мы не согласились.

Основная задача была рассказать о трех хороших советских людях, об их верной и требовательной дружбе, об этом замечательном чувстве, которое так высоко развито в советском обществе. И поэтому, мы, актеры, не искали смешных трюков, не делали ударений на смешные положения и слова, чтобы во что бы то ни стало вызвать смех в зрительном зале. Наши герои — архитектор, ученый, хирург — ведут себя серьезно, не комикуя. В кабинете начальника строительства Неходы зрители смеются не над нелепым костюмом Нестратова, а над тем, как в этом трудном положении Нестратов старается сохранить свое достоинство. В магазине Лапин и Нестратов чрезвычайно озабочены выбором подходящей обуви, и именно их полная серьезность вызывает смех зрителей.

Творческому коллективу, кажется, удалось сделать веселую картину. Но для этого актеры не превращали своих героев в чудаков или глупцов, не искажали и не утрировали их чувств и поступков. Наоборот, они пытались как можно убедительнее показать искреннюю, трогательную дружбу этих людей.

Не мстить, не наказывать, а исправлять — такова направленность нашей комедии. Добиться этой цели мы старались, следуя правде, добиваясь жизненности поведения персонажей.

И зрители смеются над недоразумениями и неприятностями, с которыми сталкиваются герои фильма. Смеются над их трудным положением, которое, однако, не унижает человеческого достоинства, а учит и помогает каждому увидеть свои собственные недостатки.

И вот... и вот плот с нашими героями выплыл на экраны. На ту большую реку, для путешествия по которой мы его и строили. Впервые за все время работы актеры, режиссеры, операторы остались на берегу и с радостью, но вместе с тем с грустью и тревогой смотрят ему вслед. Что-то будет с ним?..

Мы смотрим ему вслед и от души желаем: счастливого пути!

— Плыви, приноси людям веселье. Заставляй подумать о дружбе, о верности, о своих и чужих ошибках. Напоминай о том, что время от времени неплохо «макнуть» и себя и товарищей, чтобы избавиться от барства и зазнайства, чтобы не отстать от быстро идущей нашей жизни.

ТЕАТР ДВУХ ТЫСЯЧ

Привезли декорации.

Октябрь 1951 года. В Москве идет заключительный тур Всесоюзного смотра художественной самодеятельности. На афишах упоминаются и ленинградские участники. Уже знакомый москвичам по прежнему приезду коллектив Выборгского дома культуры показывает «Степь широкую», а студенты Ленинградского университета — «Ревизора». Огромный зал Малого театра не мог вместить всех заинтересовавшихся университетским коллективом.

Ленинградцы тогда с успехом выступили и в других жанрах. Оперные спектакли «Русалка» и «Сорочинская ярмарка», «Вальс цветов» из балета «Щелкунчик», «Матросская пляска» также получили на смотре первые премии. После этого всесоюзного признания и зародилась мысль основать в Ленинграде Театр народного творчества, чтобы коллективы художественной самодеятельности могли свои лучшие работы повседневно, не дожидаясь смотра, выносить на суд зрителя.

Три года существует этот необычный театр. На его сцене состоялось уже сорок пять премьер — в среднем пятнадцать новых спектаклей в год! Это пьесы Горького и Говарда Фаста, Маяковского и Островского, Гоголя и Гольдони, Лопе де Вега и Корнейчука... Таким репертуарным разнообразием, естественно, не мог бы похвалиться ни один профессиональный театр.

Все существующие в Ленинграде коллективы самодеятельности — а их около тысячи — борются за право выступать в Театре народного творчества. Но требования очень велики, и за три года не более тридцати показали здесь свои работы. Тридцать коллективов — две тысячи актеров...

На репетиции «Егора Булычова...». На переднем плане — исполнители ролей: Булычова — мастер Н. А. Кудрявцев и Шурки — работница М. В. Гуторова.

В Москву!

За кулисами было еще совсем пустынно, когда Рая Ситько пришла в театр. Заглянула в гримерную: «Ребят еще нет».

Впрочем, она в этом и не сомневалась, так как сама пришла за три часа до начала просмотра. Костюмы уже привезли, надо было надеть свой, походить в нем, привыкнуть к нему немного. Ведь первый раз она надевает высокий корсет, длинное платье, парик. Рая прошла в гримерную. На дверях рядом с двумя другими фамилиями стояла и ее: все «три сестры» одевались вместе.

Скоро придут и остальные актеры. Таково здесь неписаное правило — являться задолго до начала постановки. Рая вспомнила, как бежала после экзамена в институте на спектакль «Директор». Экзамен затянулся, она опаздывала и появилась здесь только за полчаса до выхода на сцену — едва успела загримироваться. По окончании спектакля, когда ребята кинулись ее поздравлять, Рая спохватилась, что ведь это был ее дебют — первый выход на сцену, которого она так боялась...

Как это было давно! С тех пор прошло целых два года! И вот сегодня ее последний спектакль, и девушке немного грустно. Уж очень быстро закончились занятия в институте, большинство кружковцев на четвертом курсе, они будут еще играть, а ей надо уезжать!..

Гример закончил прическу, грим. Из зеркала задумчиво и грустно глядела чеховская Маша. И у Раи стало легко и хорошо на сердце. Подумалось, как бы позавидовала Маша с ее несбыточной мечтой о Москве ей, сверстнице, девушке из Куйбышева, окончившей в Ленинграде политехнический институт и сейчас получившей назначение на работу в Москве.

Нет, напрасно постановщик «Трех сестер» Людмила Владимировна Гердрих так волновалась за исполнителей, без конца объясняя, что главное в пьесе — мечта о вдохновенном, творческом труде и что спектакль звучать должен бодро, оптимистически. У них иначе и не может получиться!

Взволнованная, Рая вышла на сцену. Раздвинулся занавес, спектакль начался. Это был просмотр. Руководители коллективов, участники самодеятельности, работники искусств решали дальнейшую судьбу постановки. Ее будущее определялось многим: вниманием зрителя, и настороженной тишиной зала, горячими спорами в антрактах, и долгими аплодисментами после конца спектакля, и многочасовыми обсуждениями, после которых все сказали: «Да!»

Да! Спектакль получился и должен быть в репертуаре Театра народного творчества. Это было признанием зрелости, большого сценического успеха всех членов коллектива самодеятельности.

А через два дня Рая уезжала. Дипломный проект был защищен еще полтора месяца назад, 26 февраля. Молодой специалист провел свой отпуск в Ленинграде, чтобы вместе с друзьями дождаться результатов многомесячной, упорной работы над пьесой. Теперь на роль Маши будут вводить другую исполнительницу. Не так это легко — ввести нового актера в спектакль, особенно когда актер не профессионал и когда спектакль чеховский!..

Играют «ветераны»

Так обычно говорят завсегдатаи театра, когда появляется афиша, извещающая об очередном спектакле самодеятельного коллектива Дома культуры промкооперации. А это бывает нередко. Восемь пьес было поставлено этим коллективом под руководством О. И. Альшиц за восемь лет работы. И все они были показаны на сцене Театра народного творчества. Сейчас готовят «Вассу Железнову».

Ленинградские зрители хорошо знают одного из старейших участников самодеятельности — мастера В. В. Морозова. Двадцать пять лет жизни он отдал самодеятельному театру, сыграв семьдесят пять ролей. Сегодня в «Женитьбе» Морозов исполняет Подколесина. На спектакль он пришел прямо с завода, забыв об усталости.

В этом же коллективе — рабочий станкостроительного завода А. М. Волгин. Несколько недель подряд менялся он с товарищами сменами и работал по ночам, чтобы не пропустить репетиций и спектакля, хотя на каждую роль было несколько исполнителей.

Любовь к театральному искусству, увлеченность занятиями, старательное изучение всего, что имеет прямое или косвенное от-

Последний спектакль! В антракте спектакля «Три сестры» А. П. Чехова. В центре — Рая Ситько — Маша.

АКТЕРОВ

ношение к театру, дают хорошие результаты. Вот почему с таким неослабевающим интересом зрители следят за происходящим на сцене и весело смеются, аплодируя живому, кипучему Кочкареву — исполнитель мастер «Лентехмонтажстроя» И. Н. Дриго, тупой и апатичной Агафье Тихоновне, которую играет домашняя хозяйка Г. В. Вознесенская, простодушному и глуповатому Жевакину — его роль исполняет конструктор А. А. Ростик, смешной и лукавой

Галина Викторовна Вознесенская и дома, используя свободные минуты, повторяет текст роли Агафьи Тихоновны из «Женитьбы» Гоголя.

Дуняшке, сыгранной студенткой В. И. Воробьевой, яркой, выразительной игре всех актеров.

Сегодня идет оперетта

Как кто, а младшее поколение жильцов дома № 13 по улице Рубинштейна, да и соседних с ним к трем — четырем часам дня уже выносят определенное суждение о предстоящем спектакле. К этому времени в большой двор дома № 13, где помещается Театр народного творчества, приезжают грузовики с декорациями. И сразу становится ясно, что́ будет вечером.

Так случилось и сегодня. Сняли брезент с машин, ребята даже рты раскрыли. Чего только здесь нет! К расписному кованому сундуку бережно привязан зеленый кустарник, рядом с комодом аккуратно положена... полуразрушенная башня. На большом холсте, случайно развернувшемся во время разгрузки, летний пейзаж: пышный лес спускается к цветущим холмам, веселая речка бежит под горбатыми, причудливой формы мостиками. На ящике, который с трудом сняли четыре человека, красными буквами написано: «Трембита».

Сегодня здесь показывает свою работу самодеятельная студия музыкальной комедии Дома культуры имени Первой пятилетки. В постановке занято 140 человек: хор, танцевальная группа, солисты, симфонический оркестр.

Кулисы театра просто не узнать. Всюду толпится народ: гримерные не в состоянии вместить столько актеров. Яркие юбки, пестрые венки, блестящие ленты мелькают на сцене, в коридорах, на лестницах. Декорация сложная, громоздкая, и все свободные участники спектакля помогают устанавливать, прилаживать ее. Из гримерной доносятся рулады: кто-то из солистов пробует голос; в оркестре возня: на небольшом пространстве никак не разместятся 40 человек. Под сценой, на небольшой свободной площадке, кружатся волчком, в присядку танцоры. Раздуваются, как парус, шаровары мелькают цветные гуцулки.

Сцена из спектакля «Трембита» Ю. Милютина. Постановка студии музыкальной комедии при Доме культуры имени Первой пятилетки.

Шесть лет спустя...

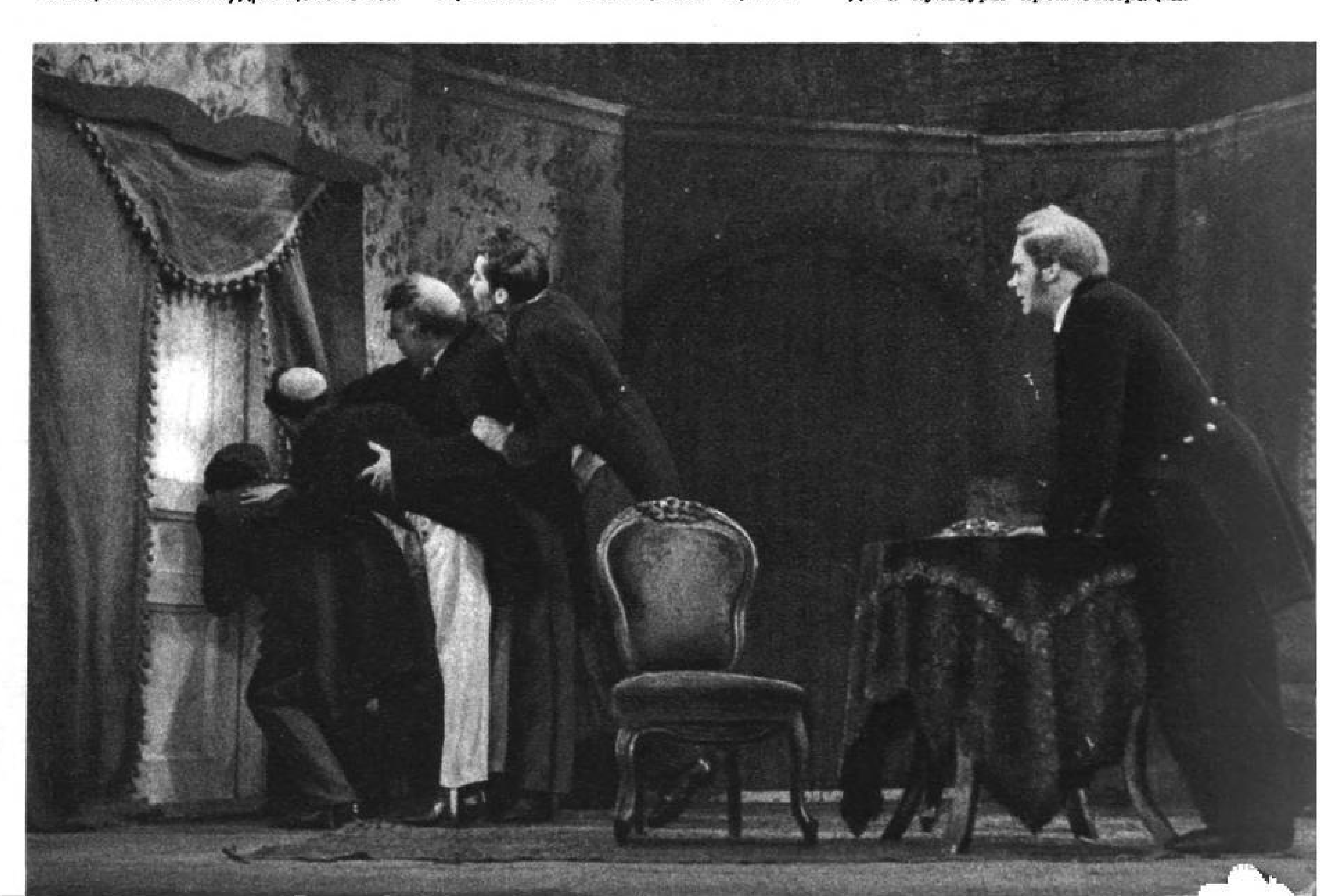
Шесть лет прошло с тех пор, как на Всесоюзном смотре художественной самодеятельности в Москве в 1948 году был показан в Малом театре спектакль Выборгского дома культуры «Егор Булычов...», поставленный заслуженной артисткой Т. В. Суковой. Много тогда говорили о постановке, о слаженной игре коллектива, о великолепном звучании горьковского слова, об удавшемся Булычове—начальнике инструментального участка завода имени Казицкого Н. А. Кудрявцеве. С тех пор спектакль прошел шестьдесят раз на различных площадках и, конечно, не один раз в Театре народного творчества. Зритель, видевший первые из них, мог отметить, как возросло мастерство актеров, насколько полновеснее звучит слово, точнее и четче раскрывается мысль автора, глубже стали сценические образы. За всем этим виден большой творческий рост каждого участника.

И это характерно для всех лучших коллективов самодеятельности, выступающих в Театре народного творчества. Наиболее талантливые актеры-любители пошли в театральные студии, некоторые уже играют на сцене театров. Игорь Горбачев, еще на последнем Всесоюзном смотре выступавший с университетским коллективом,— теперь любимец театрального Ленинграда, артист Большого Драматического театра имени Горького. Да и не один он вышел из самодеятельности. Впрочем, в Ленинграде из самодеятельности не выходят. Становясь актерами-профессионалами, они все равно остаются в ней как педагоги, режиссеры, постановщики. И эта тесная связь мастеров искусства с самодеятельностью — залог того, что в следующем театральном сезоне тысячи новых талантливых участников художественных коллективов станут актерами Театра народного творчества.

И. ВЕРШИНИНА,
К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. АНАНЬЕВА.

Сцена из спектакля «Женитьба» Н. В. Гоголя. Постановка самодеятельного театрального коллектива Дома культуры промкооперации.

В конце апреля...

Борис ЛАСКИН

Рисунки В. Высоцкого и П. Караченцова.

— Гриша, кажется, я влюблен...

— ...Заявил в беседе с нами Казанцев.

— Я тебе серьезно говорю.

Федя задумчиво смотрел в окно. Далеко в сиреневой дымке раскинулась Москва. За рекой над трубами заводов лохматился белый дым. Блестели крыши, умытые весенним дождем.

— И давно это у тебя? — спросил Гриша Колпаков, отрываясь от конспекта.

— Недавно.

С сочувствием посмотрев на товарища, Гриша молча вынул записную книжку.

— Начнем со стихов, — решительно сказал он.

Федя усмехнулся. Его удивляла способность Гриши сочинять стихи на все случаи жизни.

Надеясь, веря и скорбя,
Люблю тебя! Люблю тебя! —

прочитал Гриша.

— И это все?.. Так коротко?

— А чем короче, тем лучше, — авторитетно заявил Гриша. — Возьми Щипачева: четыре строчки — и все ясно. А тут смотри, как хорошо: надеясь, так сказать, не теряя надежды, веря, одним словом, доверяя, и в то же время скорбя...

— А почему «скорбя»? — пожал плечами Федя. — Пока я еще не скорблю.

— Да?.. А вдруг ты выяснишь, что она тебя не любит, и начнешь скорбеть!

— Так зачем же мне заранее?..

— Не спорь. Поэзия обязана все предвидеть.

— Нет, эти стихи не пойдут, — сказал Федя.

— Пожалуйста! Создадим другие. Как ее зовут?

— Маша.

— Ах, Маша? Маша Озерова. Сейчас...

Гриша закрыл глаза, что-то быстро зашептал и с подозрительной оперативностью откликнулся стихотворением:

Однажды всю ночь до зари я
Мечтал о любви, о весне.
И, можешь представить, Мария,
Тебя я увидел во сне.
С тех пор я в ужасном
смятенье,
С тех пор потерял я покой,
Прошу: хоть в порядке виденья
Еще раз явись предо мной!..

Взглянув на Федю, желая убедиться, какое впечатление на него произвели стихи, Гриша с гордостью сказал:

— Ну, что? Здорово?.. «Зари я — Мария». Такие рифмы, брат, на улице не валяются.

— Нет, старик, ты это брось, — погрозил пальцем Федя, — это у тебя второе издание. Ты эти стихи в прошлом году сочинил для Макарова.

— Ну и что? — сказал Гриша. — Стихи-то ведь подействовали. Макаров женился на Маше Давыдовой, оба получили назначение в один город и уехали. Впрочем, пожалуйста. Если тебя не устраивают проверенные стихи, я могу новые написать.

— Знаешь, я, пожалуй, обойдусь без твоих стихов, — мягко сказал Федя. — Пойдем-ка лучше погуляем. Воскресенье. Чудесная погода.

— Не возражаю. А Маша тоже пойдет?

— Пойдет.

— Скажите, какое «совпаденье»! — Гриша накинул пиджак. — Так и быть, слушай мое последнее четверостишие:

Весна. Улыбки и цветы.
И звон ручьев, и птичье пенье.
Весна, весна — пора мечты,
Труда, любви и вдохновенья!

Выдержав паузу, Гриша спросил:

— Ну как?

— Это ничего, — сказал Федя, — это — уже более зрелое произведение.

— Благодари судьбу, что у тебя такой однокурсник талантливый. Пошли.

На автобусной остановке было полно народу, но Федя еще издали увидел Машу. Вот она, легкая, стройная, с непокрытой головой. Золотистые волосы словно пронизаны солнцем.

Подходя к остановке, Федя взял приятеля за плечо:

— Прошу тебя, Гриша, без всяких намеков!.. Слышишь?

Гриша приложил руку к сердцу:

— Ни слова, о друг мой!

При посадке в автобус началась обычная веселая возня. Молоденькая кондукторша высунулась из окна; она уже привыкла к шумному нраву студентов, неизменных своих пассажиров.

— Товарищи, пропустите меня вне очереди! — кричал высокий парень в очках.

— Пропустите его! Человек в планетарий опаздывает! У него деловое свидание под луной!

Виктор Голубовский подхватил на руки черноглазую Риту Васильеву:

— Граждане, разрешите пройти с ребенком. Расступитесь!

— Сколько вашей дочке?

— Она маленькая. Она еще не все экзамены сдала.

— Ребята, садитесь быстрей. Кто там копается?

— Геологи.

— Тогда понятно.

Автобус наконец тронулся, увозя всех.

Федя оказался рядом с Машей. Гриша, сидевший впереди, с Виктором, оглянулся на Федю и с серьезным видом предложил:

— Может, поменяемся местами? А то здесь дует, я могу простудиться.

— Ничего, — успокоил его Федя, — не простудишься. Закаляйся. — И, покосившись на Машу, он увидел на ее лице едва заметную улыбку.

В автобусе продолжался веселый гам:

— Кондуктор! Три жестких до центра.

— Девушка, можно мне в долг проехать?

— Не верьте ему, девушка. Он вчера стипендию получил.

— Математики есть?

— Есть!

— Один билет стоит пятьдесят копеек. Сколько стоят два билета?

— Два рубля.

— Это почему же?

— Рублик за консультацию.

— Сухая наука — математика.

— Не скажите. У нас вчера одна девушка написала: «Теория бесконечно милых».

В автобусе дружно засмеялись, а Гриша подвел итог:

— Причина ясна. Весна.

Федя посмотрел на Машу.

— У меня есть предложение, — сказал он негромко, — пойдем в зоопарк.

— Пойдем, — согласилась Маша. — Желающие пойти с нами в зоопарк, поднимите руку!

Подняли руки Гриша, Виктор и Рита.

Вылезая из автобуса, Маша прямо перед собой увидела вывеску сберегательной кассы.

— Ребята, — сказала она, — я совсем забыла! Зайдем на минуточку, проверим, у меня записан номер, вдруг моя облигация выиграла, а?

Когда они всей ватагой появились в сберкассе, Гриша протянул руку Маше и с грустью сказал:

— Прощай.

— Куда ты?

— Товарищи, прощайтесь с Машей. Сейчас выяснится, что ее облигация выиграла пятьдесят тысяч, и она перестанет нас узнавать.

— Прощайте, — включаясь в игру, сказала Маша, пожимая руки Грише, Виктору, Рите и, наконец, Феде.

Прощаясь с Федей, она взглянула ему в лицо и невольно улыбнулась. Могло почудиться, что Федю и впрямь встревожило гришино предложение: он хмурился и долго не отпускал руку девушки.

Седая женщина в пенсне — сотрудница сберкассы — взяла у Маши листок с номером и склонилась над таблицей выигрышей.

— Почтеннейшая публика!.. Нервных просят покинуть зал! — громко сказал Виктор и изобразил барабанную дробь: тр-р-р-р.

— Поздравляю вас, девушка,— сказала сотрудница сберкассы, — на вашу облигацию пал выигрыш. Тысяча рублей.

— Ой! — всплеснула руками Маша.

— Воды! — простонал Гриша, делая вид, что падает в обморок. Впрочем, мгновенно оправившись от потрясения, он заглянул Маше в лицо. — Вы меня узнаете? — с мольбой в голосе спросил он.— Я ваш товарищ по университету. Моя фамилия — Колпаков. Я отличник учебы и активный общественник. Обратите на меня внимание, прошу вас!..

Маша сделала вид, что не узнает Гришу.

Сотрудники сберкассы и посетители засмеялись, а Виктор торжественно произнес:

— Граждане! Следите за газетами. Ждите сообщения: «Вчера в Доме студента состоялся большой прием по случаю внезапного обогащения студентки М. Озеровой. На приеме присутствовали видные деятели незаконченного высшего образования, еле видный поэт Г. Колпаков и другие...»

Смеясь и перебивая друг друга, они вышли на улицу.

В зоопарке было по-воскресному многолюдно. Начали зеленеть деревья. В пруду кувыркались нырки. В воздухе висел заливистый птичий гомон, звенели голоса детей.

— Ребятки, поглядите на этого верблюда, — кивнула Маша, — сколько в нем высокомерия!

— Помните, у нас в старом общежитии комендант был Харитон Иваныч? — сказал Гриша.— Вот бы его сюда.

— Зачем?

— Полюбовался бы он на верблюда и заодно прочитал бы вот это: «Способен не пить десять — двенадцать дней»...

— Товарищи экскурсанты, не задерживайтесь! — крикнула Рита.

Дорожка повернула вправо. Друзья шли медленно, щурясь от солнца, вдыхая запах теплой земли и терпкий, чуть горьковатый аромат распускающихся почек.

— Смотрю я на тебя, Маша, — тихо сказал Федя, — и вижу, что ты совсем не изменилась. Ты такая же красивая, такая же простая и милая, как была. Богатство тебя ничуть не испортило.

Маша не ответила. Она лукаво взглянула на Федю. «Хитер ты, — подумала она, — богатство не при чем. Ты просто ловко сказал мне все, что хотел сказать».

— На что же мне истратить свое богатство? — спросила Маша.

— Это мы сейчас придумаем,— откликнулся Гриша. — Купи попугая. Смотри, какой роскошный попугай.

— Зачем он мне?

— Тебе он не нужен. Ты его отдашь в профком. Там он научится говорить и впоследствии освободит целый ряд товарищей от участия в заседаниях.

— Нет, — сказал Федя, — один попугай, пожалуй, не справится. Профком настолько часто заседает, что такая нагрузка птице будет не под силу.

— Ничего, — сказал Виктор, — попугай живет больше ста лет. У него останется время и для отдыха.

— Затем купи себе слона, — предложил Гриша.

— А слона зачем? — спросила Маша и в ожидании ответа взглянула на ребят: они сегодня в ударе, еще что-нибудь веселое придумают.

— Что значит «зачем»? — удивился Гриша. — Я считаю, что человек с такими средствами может позволить себе иметь слона.

— Может, лучше купить «Победу»?

— Год простоишь в очереди, — сказал Виктор, — а слона можно приобрести без очереди, потому что на слонов пока сравнительно небольшой спрос. Представляешь себе, ты едешь на практику на персональном слоне!..

— Нет, ребята, это не годится. Слон дорого стоит, — озабоченно сказал Федя. — Знаете, почему? Потому что у него клыки из натуральной слоновой кости, которая страшно высоко ценится. Витька и Рита, вы химики, займитесь, придумайте какой-нибудь заменитель вроде пластмассы, и тогда слона сможет купить каждый желающий.

— Ребята, — кротко сказала Рита, — интересно, если вас не остановить, вы будете острить круглые сутки?

— В нас так развито чувство юмора, — ответил Гриша, — что остановить нас трудно.

— Юмор и смех, — как известно, признаки душевного здоровья, — изрек Виктор.

— И, кроме всего прочего, смех — спутник хорошего настроения, бодрости духа и уверенности в завтрашнем дне, — подняв кверху палец, сказал Федя.

— «Гром аплодисментов. Одобрительные возгласы: «Молодец!», «Здорово сказал!» — добавил Гриша. — Теперь ты понимаешь, Рита, почему нам весело, почему один из нас, влюбленный в одну из нас, не омрачает нашей прогулки томными вздохами, а шутит, смеется, радуется хорошей погоде и всему такому прочему...

Федя насторожился.

— Интересно, кого ты имеешь в виду? — с любопытством спросила Рита, неожиданно покраснев.

— Я имею в виду... — начал было Гриша, но, перехватив пронизывающий федин взгляд, продолжал: — я имею в виду... одного из нас — хорошего студента, комсомольца, честного парня...

Федя понял, что сейчас самое время остановить Гришу, но нет, нельзя. Стоит ему вмешаться — и он разоблачит себя. «Хоть бы кто догадался перевести разговор», — подумал Федя. И, словно в ответ на его желание, Виктор тихо сказал:

— Ладно, Гриша, довольно. Регламент.

— Правильно,— поддержал его Федя, с удивлением отмечая, что Виктор почему-то смутился, а Рита с преувеличенным интересом начала разглядывать синее небо.

«Что произошло?» — растерянно подумал Федя и посмотрел на Машу, которая ответила ему ласковым, смеющимся взглядом. «Все хорошо, Федя,— говорил ее взгляд.— Все очень хорошо!»

Гриша, мгновенно разобравшись в обстановке, с веселым изумлением развел руками:

— Даю честное слово! Убей меня весенний первый гром, не ожидал! Целился в одного, а поразил сразу двух влюбленных.

— Почему двух? — улыбнулась Рита. — Четырех. Дважды два — четыре.

— Это точно? — серьезно спросил Гриша.

— Что?

— Что дважды два — четыре?

Федя собрался уже ответить, но его опередила Маша.

— Да. Это, кажется, точно, — сказала она. — Гриша, почитай нам свои стихи. А?..

— Стихи? Могу... — Гриша достал из кармана записную книжку и, открыв ее, с чувством прочитал:

Я знаю, согласитесь вы со мной,
Влюбленные активнее весной.
Кто отрицать сегодня это
станет?
Как говорится в песенке одной:
«Любовь — она нечаянно
нагрянет».
Пешком полсвета легче обойти,
Чем вечерком, явившись
на свиданье,
Решиться сразу и произнести
Слова любви, заветное
признанье.
Уж лучше промолчать. А всё
взамен
Сама весна подробно
растолкует...
Как правильно отметила
Кармен:
Любовь свободна,
мир она чарует!..

И. Семенов. В новые квартиры.

Ю. Черепанов. Последний энтузиаст.

А. Каневский. Мечты молодоженов.

— Все это не серьезно..

Б. Лео. Выгоды профессии.

— Не типично!..

Н. Лисогорский. Весна в загсе.

На весенней выставке

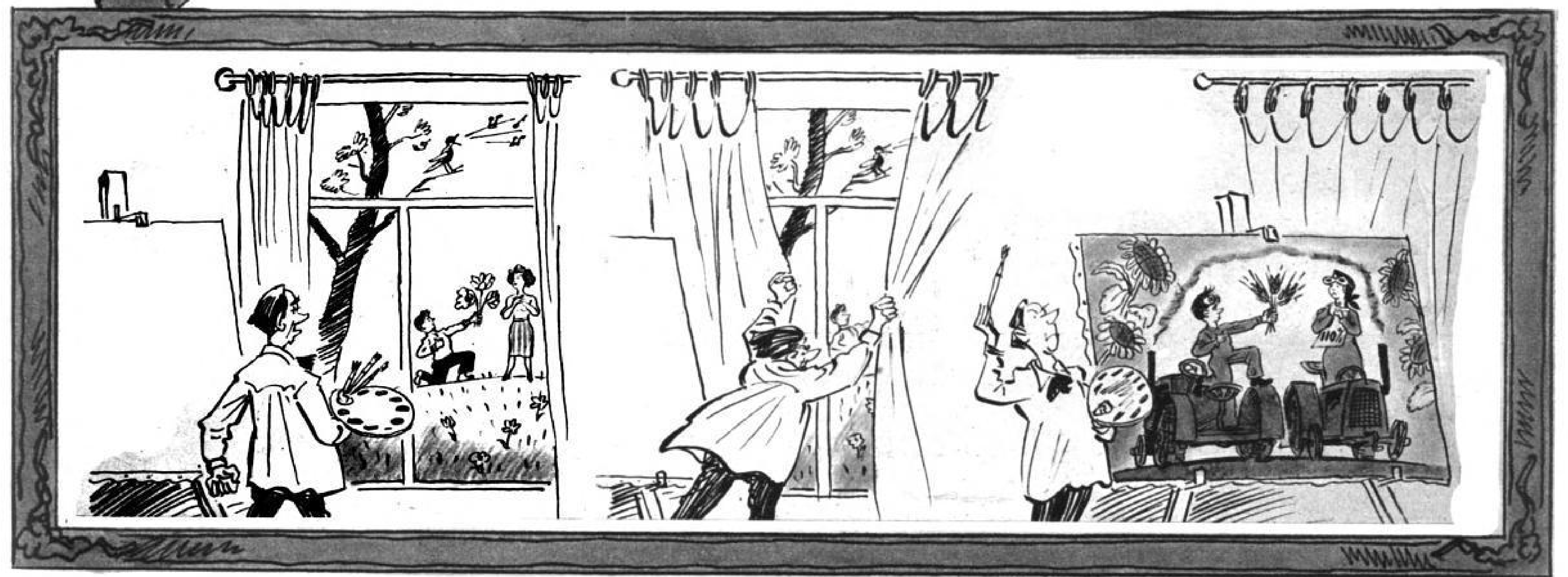
И. Семенов. Затянувшийся спор: шесть или девять?

— В жизни так не бывает.

Ю. Узбяков. Моды сезона. На пляже.

Ю. Черепанов. Жизнь и искусство.

Б. Ефимов. Весенние всходы писателя Сергея Многопольного.

Е. Ведерников. На вешние воды.

— А при чем тут весна?..

У театрального подъезда

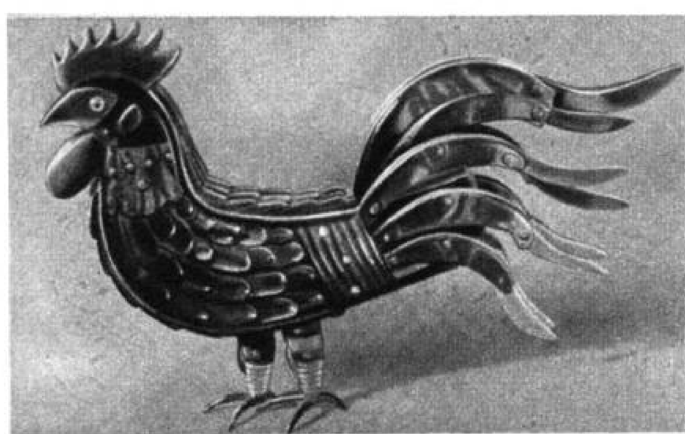
Евгений ГОРБАНЬ

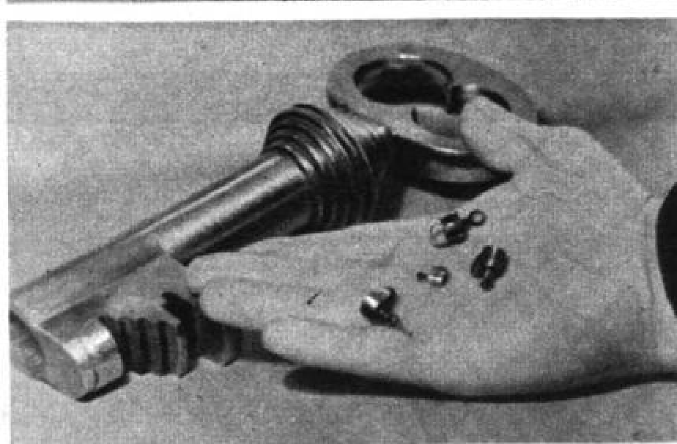
Прохладу сея в полдень майский,
весенней силой обуян,
московский, не бахчисарайский,
перед театром бьет фонтан.
Сверкает, радугой взлетая,
кипит, как горный водопад,
а по-соседству с ним, не тая,
снегурки-яблони стоят.
Мне возразите вы, быть может:
— А где же Лель? Где Берендей?
Согласен: яблони похожи
на стаю белых лебедей.
А вот и юная Одетта
уже стоит передо мной,
краснеет: лишнего билета
у вас, мол, нет ли на дневной?
Сам без билета, к сожаленью,
зато какой денек! Весна!
Но, как снегурочка на сцене,
в толпе растаяла она.
И сразу стали вянуть краски,
каким бы век не увядать!
И я билет прошу, чтоб в сказке
Одетту снова увидать.

Рисунок Л. Смехова.

Павловские умельцы

На высоком холме над Окою раскинулся город Павлово — центр замечательного промысла кустарей-металлистов, чьи изделия широко известны в нашей стране.

Павловцы с любовью собирают в свой музей все, что относится к истории их промысла. Часто в музей приезжают мастера, принося в дар свои новые оригинальные изделия. Но бывают и иные поступления. Однажды работница артели принесла сюда редкую находку. На левом берегу Оки в обнаженном слое песка она обнаружила два молотка, оказавшиеся орудиями каменного века.

— Видно, и тысячи лет назад в наших краях обитали знатные мастера, — пошутила работница, передавая свою находку.

На наших снимках — экспонаты музея.

Нож-петух, изготовленный мастером Кулагиным из 14 складных ножичков.

Ключ весом в 1,5 килограмма от замка, весящего 48,5 килограмма, работы кустарей артели имени Кирова. На ладони — замочки весом от 2 до 10 граммов, изготовленные павловскими мастерами.

Модель машины «ЗИМ», составленной из 20 ножей и других различных предметов. Это работа мастера К. И. Кулагина.

Вл. МИНКЕВИЧ

В этом номере на вкладках: репродукции картин Ф. П. Решетникова «За мир!», В. И. Полякова, И. В. Радомана, Х. И. Шаца «Песнь мира», Г. М. Шегаля «Портрет Ан Сон Хи», С. В. Герасимова «Цветущие деревья», «Май» и четыре страницы цветных фотографий.

Цветы за Полярным кругом

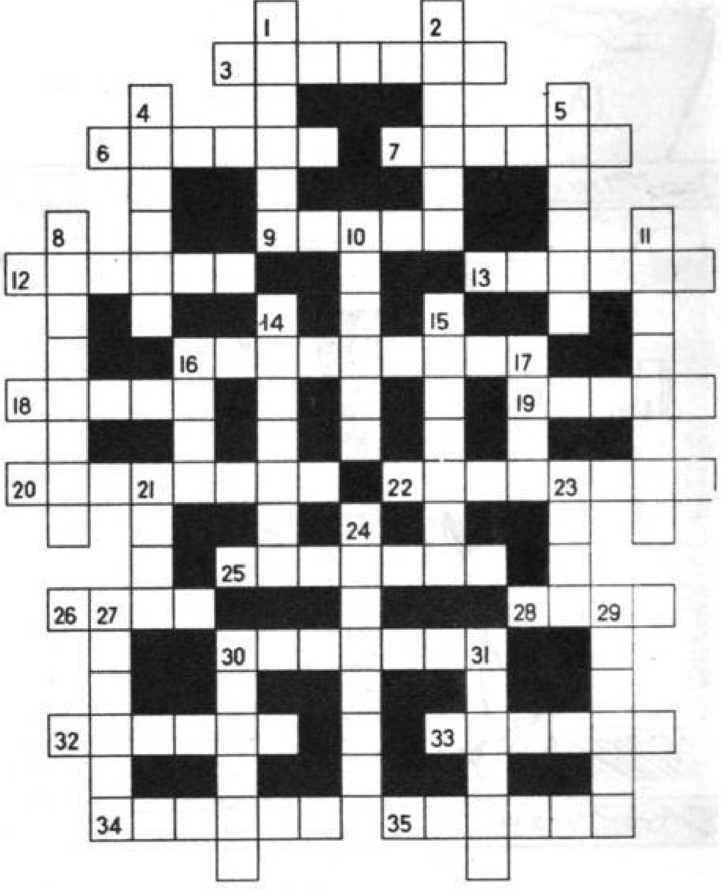
Родина филодендрона — тропическая Америка. Очень редко это капризное растение цветет в оранжерейных условиях.

Можно себе представить радость и изумление работников городской оранжереи в Воркуте (этот город лежит за Полярным кругом, в области вечной мерзлоты), когда привезенный из Московского ботанического сада филодендрон не только прекрасно прижился, но уже на шестом году зацвел.

Городская оранжерея в Воркуте существует с 1945 года. Пятьдесят тысяч экземпляров различных цветов в год выращивают здесь для озеленения города. С различных шахт приезжают жители Заполярной кочегарки в свою оранжерею за живыми цветами.

Н. ГИППИУС

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Напев. 6. Персонаж романа М. Шолохова. 7. Чувство привязанности. 9. Время года. 12 Нотный знак. 13. Рыба из семейства карповых. 16. Большое празднество. 18. Длинноусое, двукрылое насекомое. 19. Предпраздничный или сезонный торг. 20. Духовой инструмент. 22. Смелое стремление к благородному, высокому, новому. 25. Песня И. Дунаевского и М. Светлова. 26. Небесное тело. 28. Большой сад. 30. Комическое или сатирическое подражание. 32. Лодка. 33. Приспособление для рыбной ловли. 34. Фантастический роман А. Толстого. 35. Пирожок.

По вертикали:

1. Народный артист СССР. 2. Драгоценный камень. 4. Популярная спортивная игра. 5. Часть растения. 8. Специалист по работам на большой высоте. 10. Кустарник или дерево с душистыми цветками. 11. Условленная встреча. 14. Официальный документ. 15. Сияние отраженного света. 16. Ансамбль музыкантов или певцов. 17. Басня И. А. Крылова. 21. Лагерь, место стоянки. 23. Сооружение в виде больших ворот. 24. Певчая птица. 27. Хитрый прием. 29. Водный источник. 30. Загородная увеселительная прогулка. 31. Фруктовое дерево.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали:

6. Железобетон. 7. Кабалевский. 12. Секрет. 15. Афелий. 16. Трактат. 17. Узбеки. 19. Гремин. 20. Сонет. 21. Вертикал. 22. Уважение. 23. Ампир. 25. Строка. 26. Абакан. 27. Классик. 28. Бычков. 30. Прилив. 31. Иностранцев. 34. Ультрамарин.

По вертикали:

1. Десант. 2. Вега. 3. Кожемякин. 4. Кекс. 5. Долина. 8. «Неизвестный». 9. Оркестровка. 10. Регенерация. 11. Цивилизация. 13. Ярославль. 14. Настурция. 18. Искра. 19. Гаага. 24. Пастернак. 29. Ваниль. 30. Прения. 32. Суть. 33. Ниас.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 00662. Подп. к печ. 24/IV 1954 г. Формат бум. 70Х108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 343. Заказ 1129. Рукописи не возвращаются

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО НА КАРТИНЕ ХУДОЖНИКА.

Рисунок И. Семенова.

Цена номера 3 руб.